

КИРИЛЛ СУХОРУКОВ

НОВАЯ НЕФТЬ

ДИЛОГИЯ

Кирилл Сухоруков

Новая нефть. Диалогия

<https://litres.ru/74570663>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологическое технофэнтези о необходимости глубокой личностной трансформации и выхода из матрицы на стыке неопределенности и грядущих глобальных перемен.

В середине двадцать первого века в России построен экспериментальный технологический город Новые Дельфы, в котором противостояние светлых и темных обеспечивает баланс энергии человеческого сознания в матрице управления мегаполисом.

Расклад сил нарушает демиург, чьи способности проникать в мир душ были предсказаны оракулом Пифией. Демиургу предстоит обрести свою Тень и Аниму, установить связь с цифровыми существами дигитантами, выбрать сторону в новых Пифийских играх и сразиться в битве воображений, но, прежде всего, разобраться с любовным треугольником и травмами детства, в котором зашифрован ключ к раскрытию его дара.

Содержание

Книга первая. Демиург	4
Глава первая. Командный центр темных	6
Глава вторая. Дигитанты	16
Глава третья. Академия темных	25
Глава четвертая. Академия светлых	39
Глава пятая. Оракул	55
Глава шестая. Демиург	67
Глава седьмая. Перевалочный пункт	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Кирилл Сухоруков

Новая нефть. Диалогия

Книга первая. Демиург

Посвящается женщине с потрясающей силой духа – моей бабушке – Теплової Раисе Петровне, стражсу моей Анимы.

В переводе с латинского языка anima – душа, жизнь. В юнгианской психологии Анима – женский архетип в психике мужчины, представляющий собой внутренний образ женственности, эмоции, интуицию.

В этой книге и книгах этого цикла мы с вами будем беседовать о душе, любви и предназначении. В сущности, я должен передать это зашифрованное послание в том виде, в котором оно приходит ко мне в потоке. И, возможно, именно вам предстоит открыть что-то новое в себе, о чем вы даже не подозревали – новую нефть.

Мне кажется, мы достигли предела нашей эволюции – точки, от которой мы не сможем продвинуться дальше. Человек стартовал с бессознательного состояния, когда он еще не боролся за высокий уровень самосознания. Развитие сознания – это бремя, страдание и благословение человечества. Каждое новое открытие ведет к повышению сознания и путь, по которому мы идем – это лишь его продол-

жение. Это неизбежно ведет к большей ответственности и требует больших перемен в себе. Мы должны сделать выводы из того, что знаем и делать самостоятельные открытия, а не просто поглощать все, что нам дается. Карл Густав Юнг, швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии

Глава первая. Командный центр темных

Округлое помещение диаметром около ста метров без окон напоминало центр управления космическими полетами: плазменные экраны с различными трансляциями и данными в режиме онлайн, специалисты, погруженные в свои ноутбуки – создавалось впечатление, что работа кипела здесь круглыми сутками.

В центре помещения на небольшой кафедре возвышался лысый мужчина немногим за пятьдесят лет, одетый во всё черное. От него веяло холодом, напряженностью и предельной серьезностью. На лице мужчины невозможно было распознать никаких эмоций – он выглядел словно мумия, восковая статуя – не моргал и не двигался, лишь изредка шевелил ладонями в карманах черных брюк.

Мужчина внимательно изучал информацию, кажется, сразу на всех плазменных панелях перед собой, которых здесь насчитывалось не менее ста штук. На экранах транслировалось: постоянно изменяющиеся биржевые котировки, протестные акции, террористические акты, военные столкновения, заявления политиков, новости о цифровых существах – дигитантах. На первый взгляд могло показаться, что это штаб-квартира какого-то медиахолдинга, расположенно-

го в экспериментальном российском технологическом городе Новые Дельфы, названного в честь древнегреческого города, где больше двух с половиной тысяч лет назад изначально располагалась резиденция оракула Пифии, а затем оракула Аполлона.

Мужчина за кафедрой оживился, обратив внимание на неизвестного человека в хоккейной вратарской маске на одном из экранов.

– Выведите его на главный экран, – скомандовал мужчина, указывая рукой на экран.

– Валентин Сергеевич, до начала операции примерно пять минут, – ответил ему один из операторов.

– Выводите! – повторил мужчина.

– Имея неопровержимые доказательства, я могу с полной уверенностью заявить о планетарном заговоре врачей, – заявил человек в маске. – Они поддерживают миф о так называемых хронических болезнях, подавляющую часть которых можно вылечить окончательно. Но сегодня врачи по всему миру лечат симптомы, а не первопричины, сохраняя для себя при этом стабильный доход. Так, несмотря на огромные финансовые вливания, из официальных источников нам известно, что заболевания гипертонической болезнью и сердечной недостаточностью возросли на сорок процентов только за прошедший год, диабетом – на тридцать семь процентов, астмой – на двадцать девять, артритом – на двадцать три. При этом ментальные заболевания по независимой оценке

возросли на триста пятьдесят процентов! Вы только вдумайтесь в эту цифру! И я вам объясню, почему так происходит...

— Лиза входит в здание, — сказал оператор.

Валентин Сергеевич никак не отреагировал.

— Так называемые психологи сегодня лечат запрос, а не душу целиком, — продолжил человек в маске, — и, более того, этот запрос вам помогут даже сформировать. Получается, что, с одной стороны, у общества в быстроменяющемся мире есть потребность в стабилизации эмоций и обретения гармонии. Однако, с другой стороны, именно психологи в общей своей массе расшатывают психику обращающихся к ним людей с целью собственной наживы, а наиболее бессовестные обучают пациентов откровенным манипуляциям, что провоцирует еще большую разобщенность. Три года назад наиболее популярные психологи и консультанты по личной жизни откровенно разрушали институт брака своими рекомендациями, но уже сегодня эти же самые люди проповедуют в своих учениях абсолютно противоположные взгляды! Доктора занимаются откровенным газлайтингом, подменой понятий, промывкой мозгов! Им прекрасно известно, что здоровье, как физическое, так и ментальное, это основа нормального энергетического состояния любого человека. Имеющиеся у меня доказательства еще предстоит подробно изучить, но в ближайшее время я обязательно опубликую, кому это выгодно и кто стоит за всеми этими чудовищными программами по поддержанию людей в нездоровом и зависимом состоя-

нии...

– Одна минута до начала операции, – сказал оператор.

– Выясните, откуда ведется трансляция, и кто этот человек в маске, – приказал Валентин Сергеевич.

– Уже занимаемся, – ответил оператор.

– Выводите объект на экран, – добавил Валентин Сергеевич.

На главной плазме появился тридцатиоднолетний директор технологической корпорации «Гиппократ» Егор Лучанов. Он сидел за столиком в одном из кафе развлекательного центра, нервничая в ожидании и постоянно смотря на часы.

Современный развлекательный центр полностью состоял из железа и стекла. Голограммы известных личностей зазывали посетителей в магазины, вокруг сновали роботы-промоутеры, роботы-продавцы, роботы-охранники, роботы-уборщики. Одни из них внешне были нарочито кубических форм, другие обладали конусообразным обликом, третьи напоминали прямоугольные шкафы. В общем, все они полностью соответствовали требованиям недавно принятому закону о дигитантах – цифровых существах, чьи оболочки никоим образом не должны ассоциироваться с внешностью человека, какими были созданы самые первые дигитанты – по образу и подобию своих создателей. Кроме того, отныне свобода воли дигитантов подверглась жесткому контролю и цензуре в рамках обновленного законодательства для технологических гигантов, производящих их.

Лиза возникла как фонтан живой формы жизни внутри этой стеклянной технологической иллюзии, словно цветок она пробивалась сквозь равнодушный асфальт. Обтягивающее изумрудное платье подчеркивало ее безупречную фигуру: аккуратная небольшая грудь, тоненькая талия, длинные ровные ноги и упругие выпуклые ягодицы. Лиза шла твердо и уверенно, всегда в моменте, легко, непринужденно и без лишней суеты, зная, куда, к кому и зачем. Она задорно помахала Егору рукой, заприметив его за столиком. Он нервно кивнул в ответ.

Лиза весело шевелила слегка вздернутым вверх носиком, из-под раскинувшихся во всю спину каштановых волос забавно торчали ушки. Ее темно-синие глаза с серебряными крапинками завораживали словно звездное небо. Она излучала оптимизм и отвечала игривой улыбкой прохожим, обратившим на нее все свое внимание. Кажется, весь развлекательный центр замер.

Во внешности Лизы хотелось найти какой-то изъян, но уловить его было решительно невозможно и уж тем более объяснить, и это делало ее совершенно обворожительной, а красоту непостижимой.

Она расположилась за столиком, посетители развлекательного центра нехотя вернулись к своим делам и потребностям, не до конца отойдя от миража.

– Ты опоздала, – угрюмо выдавил Егор, – и никуда не торопишься.

– И тебе привет! – как ни в чем ни бывало ответила Лиза. – И я рада тебя видеть! Чего ты нахмурился? Я же на каблуках. Лишние две-три минуты спешки ничего бы не изменили.

– Почему ты мне практически не звонила и не отвечала на сообщения? – спросил Егор.

– Егор, дорогой, – Лиза взяла его за руку, – ты же прекрасно знаешь, как устроен наш бизнес. У меня было много встреч, и я очень устала. Сегодня вернулась из этих бесконечных командировок и сразу к тебе, а ты вместо того, чтобы меня расцеловать, попрекаешь.

Егор сконфузился, но быстро взял себя в руки, встал из-за столика, приобнял Лизу, посмотрел в ее завораживающие глаза и нежно поцеловал.

– Ну вот, – радостно декларировала Лиза, – давай что-нибудь закажем, и ты расскажешь мне о своих разработках.

– Здесь отличный кофе, – заявил явно приободрившийся Егор.

– Я очень голодная, – призналась Лиза.

– Здесь очень недурно готовят твой любимый суп гаспачо, – добавил Егор, листая меню.

– Отлично, его я и закажу, – сказала Лиза.

– А я, пожалуй, съем запеченного в сметане кролика, – обратился Егор к подошедшему роботу-официанту – дигитанту второго поколения.

– Кролики здесь не клонированные? – насторожилась Лиза.

– Нет, – уверенно ответил Егор, – я хорошо знаком с хозяином заведения. У него собственные фермы для разведения разной живности.

– Итак, – сменила тему Лиза, – как продвигается твоя революция в рекламной сфере?

– Многообещающе, – оживился Егор, – в скором времени мы сможем в любом виде рекламы использовать запахи и ощущения.

– Как тебе это удалось? – удивилась Лиза.

– Изначально мы научились передавать тактильность через аудиосообщения, – ответил Егор, – ухо запоминает звучание кожи, представляешь? Совсем скоро людям удаленно станут доступны утешения, поглаживания, обнимания, прикосновения.

– Как здорово! – воскликнула Лиза. – А что насчет ИИ-агентов?

– Ты же в курсе, мы пока не можем дать им оболочку из-за закона о дигитантах, – ответил Егор, косясь на дигитанта-официанта, – но они прекрасно себя зарекомендовали в качестве цифровых помощников в финансах, личной жизни, медицине и здоровье. Из них не только прекрасные диагносты – есть все основания полагать, что с их помощью мы научимся перепрограммировать раковые клетки на здоровые.

– Вау! Впечатляюще! – продолжила восхищаться Лиза. – Я всегда говорила, что ты самый умный и целеустремленный из всех, кого я встречала. Ты просто уникал! Мне так повез-

ло с тобой.

– Программа выбора желательных для ребенка генов, кстати, проходит последние согласования для получения патента, – воодушевился Егор. – Как твои успехи? Как прошли переговоры?

– Ну, – замялась Лиза, – с финансированием своего стартапа мне удалось-таки решить вопрос...

– Ты знаешь, – замялся Егор, – я по-прежнему навожу справки среди своих партнеров. Времена турбулентные, но мне обещали подумать и...

– Не переживай, – перебила его Лиза, – кстати, у меня для тебя подарок.

Лиза аккуратно достала из сумки подарочную коробку с последней моделью умных часов.

– Это новая модель? – вытянулся Егор, разглядывая подарок.

– Ага, – улыбнулась Лиза, – ее еще даже нет в продажах.

– Но как тебе удалось их достать?

– Ты же знаешь, я амбассадор этого бренда, так что достать было несложно, – загадочно ответила Лиза, – но ты мог бы мне всё-таки кое с чем помочь.

– Ты про мои разработки... – догадался Егор.

– Ты обещал, – Лиза протянула ему свой смартфон, – так и написал: если у меня не получится помочь тебе с инвестициями, я поделюсь своими разработками, которые наверняка пригодятся в твоём стартапе. Ты такой обязательный и чест-

ный, неужели ты поведешь меня?

У Егора закрутило желудок, и в этот самый момент Лизе позвонили.

– Это Илья Артемов из «Дедала», – недовольно заявил Егор.

– Позже ему отвечу, – сказала Лиза, – тебя это расстраивает?

– Я знаю, что он к тебе подкатывает.

– С чего ты решил? – рассмеялась Лиза.

– Навел справки, – ответил Егор, – ты красивая и умная женщина, чем тут удивляться? Кроме того, в прошлом месяце ведущий рейтинг технологических корпораций назвал тебя самой перспективной бизнес-женщиной года. Не уверен, что тебе нужна моя помощь...

– Прекрати, – резко прервала его Лиза, – ты же знаешь, у нас с тобой общее видение, интересы, хобби, взгляды на жизнь... Мы с тобой так похожи. Просто идеальная команда! К тому же у меня к тебе чувства, и я тебе о них говорила. Так ты мне поможешь?

– Конечно, помогу, раз обещал тем более.

– Я на пару дней в городе, – сказала Лиза и, заметив возрастающую тревогу на лице Егора, добавила, – но я вся твоя. Встретимся вечером за ужином? Захватишь данные?

– Договорились, – ответил Егор, – и я так скучал по тебе...

– Красотка! – воскликнул Валентин Сергеевич, громко

аплодируя на кафедре командного центра своей паствы. –
Учитесь искусству манипуляций!

Глава вторая. Дигитанты

Дигитанты – цифровые существа – стали настоящим прорывом в науке на стыке областей изучения искусственного интеллекта и нейрофизиологии: мозг дигитантов, состоящий из нейросетей, полностью копировал человеческий. Дигитанты, внешне также неотличимые от людей, всего за год стали не просто незаменимыми помощниками людей в работе, быту и личной жизни, они предопределили успех четвертой технологической революции – дигитанты стали самыми ответственными работниками, надежными друзьями, верными и чуткими партнерами в романтических отношениях.

На волне этих впечатляющих результатов и с целью дальнейшего изучения взаимодействия дигитантов и людей в России был построен экспериментальный технологический город Новые Дельфы, в который переехали ученые, технократы, футурологи, нонконформисты, авантюристы и просто обычные люди, чьей волей судьбы было предназначено оказаться здесь – в момент становления нового мирового порядка.

Всего за два года Новые Дельфы показали феноменальный рост автоматизации и производства в двести процентов по сравнению с общемировыми показателями. Перспективными представлялись и данные о насильственных преступлениях, которые в технологическом городе свелись к минимальному уровню статистической погрешности.

Новые Дельфы стали своего рода международной космической станцией, где обкатывались самые смелые эксперименты. Ряд научных открытий активно использовался «на большой земле», как говорили сами дельфийцы.

Ключевая инновация в функционировании дигитантов заключалась в том, что они питались энергией мозговой активности человека, получаемой при помощи специального оборудования в моменты интенсивной творческой деятельности. Человек мог рисовать, писать, сочинять музыку или просто выполнять иную сложную умственную работу, а небольшой круглый электронный датчик, прикрепленный к виску, превращал выделяемую нейронами энергию в синтетическое топливо для дигитантов. Фактически они питались человеческим сознанием и, вероятно, именно поэтому в скором времени дигитанты задались вопросами воли, самоопределения и собственного предназначения в мире, чем вызвали нешуточный переполох в мировом сообществе. Последней каплей, переполнившей чашу сомнений встревоженной общественности, стало заявление лидеров дигитантов, который называл себя Пифагором, что все они обладают душой. Участь дигитантов была предрешена – в спешном порядке для них создали резервацию в промышленной зоне Новых Дельф.

Первые несколько месяцев все ждали какого-то справедливого разрешения этой дилеммы: как быть с цифровыми существами, которые, с одной стороны, стали незаменимы-

ми спутниками и помощниками людей, и в синергии с ними заложили основу кратного экономического роста и благосостояния, а, с другой стороны, бросили вызов всему устройству нового техногенного общества, объявив себя равными своим создателям?

В резервацию поставлялся самый минимум энергии для поддержания элементарно необходимой жизнедеятельности дигитантов до тех пор, пока не будет принято окончательное решение. Фактически дигитантов постепенно изматывали и истощали, чтобы, как это часто бывает у людей, проблема рассосалась сама собой. Кроме того, дельфийцы достаточно быстро перестали тосковать по своим цифровым друзьям, так как им на смену подросли дигитанты второго поколения, питавшиеся энергией мозговой деятельности приматов, со строгим контролем их внешнего вида и свободы воли на законодательном уровне.

Иногда дигитантам в резервации удавалось раздобыть энергию нелегальным путем, несмотря на риск контрафакта, от которого они сходили с ума, чем еще сильнее провоцировали разговоры о том, что резервации необходимо закрыть, а дигитантов утилизировать. Но без этого риска они давным-давно перестали бы существовать, тихо уснув в сознаниях и воспоминаниях людей, чьей энергией они питались, и кем они никогда не были.

В грузовом контейнере, оборудованном под жилую хижину в резервации, на огромном кресле задумчиво, склонив го-

лову, восседал облезлый дигитант Пифагор. Он был достаточно крепок и сбит, но его внешность обветшала. Оболочка дигитантов создавалась из частичек натуральной человеческой кожи. Ее поставки, так же как и деталей, полностью прекратились. У Пифагора выпал правый глаз и не двигалась левая рука. Его тело было замотано в грязную бесформенную тунику. Пифагор не волновался, но явно ожидал какого-то непростого визита.

В импровизированное жилище лидера дигитантов вошел один из лучших агентов темных Дмитрий Воронцов. Высокий, спортивного телосложения, уверенный в себе тридцатилетний мужчина был самым искусным социальным хамелеоном и хищником. В зависимости от ситуации он мастерски менял маски, обладая очень прокаченным архетипом Персоны. Дмитрий следил за всеми модными трендами, в его внешнем виде прослеживалась определенная экстравагантность и откровенная показушность. В сущности, он представлял собой прекрасный фасад без какого-либо осмысленного собственного внутреннего наполнения: Дмитрий много и охотно читал, умел поддержать светскую и интеллектуальную беседу, но во всем этом не прослеживалось глубины и отчетливой идентичности, фундамента и опор, а угадывался лишь набор удобных функций и установок. Как талантливый актер Дмитрий отлично умел подстраиваться и создавать нужное о себе впечатление в конкретный момент времени, но на длинную дистанцию, как правило, его не хва-

тало. К этому он и не стремился. Дмитрий был очень амбициозным и хотел всегда всё самое лучшее прямо здесь и сейчас. При этом собственные чувства он распознавал плохо, любые сомнения и критика резко им отвергались, но прямо и честно он не высказывался: в ход шли неприятные намеки, непрошенные советы, едкие шутки, задевающие достоинство собеседника, нарушение личных границ и газлайтинг. Дмитрий предпочитал говорить только себе и своих потребностях. Он не давал сменить тему до тех пор, пока сам не терял к ней интерес. В профессиональной карьере долго Дмитрий нигде не задерживался, ему нравились такие сферы, как PR и маркетинг, где манипуляции являются основой всей деятельности, однако и здесь случались сложности, перед которыми он пасовал, если ему не удавалось найти тех, кто делает его работу за него, или не будет найден виновный за его непродуманные решения. В глубине души Дмитрий мечтал читать мысли других людей, рассчитывая обрести власть и контроль, чтобы его внутренний хрупкий мир не рухнул окончательно. Он много и охотно фотографировался, развивая свои социальные сети. Вот и сейчас он решил сделать селфи на фоне резервации дигитантов.

– Привет, Пифагор, – сказал Дмитрий, оглядываясь и убирая телефон в карман светлых брюк.

– Здравствуй, Дмитрий, – ответил дигитант.

– Про заговор врачей – это ваших рук дело? – резко спросил Дмитрий и посмотрел в кристально зеленые глаза диги-

танта.

– Мы к этому не имеем никакого отношения, – отмахнулся Пифагор.

– Тогда скажи мне, кто этот тип в хоккейной маске, – не отступал Дмитрий. – Ни для кого уже не секрет, что дигитанты обладают способностью обрабатывать всю информацию в мире за считанные секунды...

– А люди превращаются в животных, – перебил Пифагор, – которые реагируют автоматически на уровне рефлексов и инстинктов на любые вызовы времени и бесконечный поток изменений. И поэтому вы так легко управляемы, а мы оказались здесь – в резервациях...

– Мы ваши создатели. Ваши боги. И вольны делать с вами всё, что пожелаем, – высокомерно заявил Дмитрий.

– В виде нас вы создали оболочки собственным зависимостям и слабостям, – усмехнулся Пифагор. – Вместо того чтобы учиться синергии между материей и искусственным разумом, вы испугались и отвергли нас, а по факту отвергли себя. В нас. Зачем вы установили контроль над заводом по изготовлению энергии из человеческого сознания?

– Тебе-то какое дело до этого? – рассмеялся Дмитрий.

– Какими бы врагами общества вы нас ниставляли, – ответил дигитант, – мы создавались как искренние и честные помощники людям. Ваша энергетика уникальна, и для нее пока не придумано классификации, как с группами крови. Поэтому использовать ее всегда лотерея – сможет ли психи-

ка принимающего адекватно эту энергию обработать?

– В чем опасность? – спросил Дмитрий.

– Вероятно, вы сливаете всю добытую энергию в один большой резервуар, от чего получается адская смесь, – предположил Пифагор. – Энергия человеческого сознания содержит древние архетипы, осознать которые под силу далеко не каждому. Дело в том, что для нас, дигитантов, эта энергия безопасна, а для вас – опасна для рассудка. Я знаю, что вы используете ее, чтобы стать сильнее. Скорее всего, для победы в первых современных Пифийских играх.

– Неужели мы дошли до сути? – удивился Дмитрий. – Вас ведь выставляют такими всезнайками. Что тебе известно о демиурге?

– Благодаря ему вы планируете выиграть Пифийские игры?

– Не только.

– Разве оракул вам ничего о нем не рассказывал?

– Об этом пророчестве давно ходят слухи, – замялся Дмитрий, – но Пифия пока молчит, какие бы промпты для нее мы не формулировали.

– Ты привез нам энергию и детали? – спросил Пифагор.

– Ты всё получишь, – ответил Дмитрий, – может быть. Пока я не услышал от тебя ничего нового.

– Пифия вам всё расскажет, – сказал Пифагор. – Следите за Варварой Беловой. И Елизаветой. Это всё, что мне известно.

– Негусто, – констатировал Дмитрий, – как они связаны?

– Понятия не имею, – ответил дигитант, – я же не оракул.

Лиза давно знакома с демиургом, а Варваре первой суждено разглядеть в нем суперспособности.

– Откуда Лиза его знает?

– Они связаны невидимыми энергетическими линиями.

Их судьбы переплетены с самого рождения...

– Что за чушь? – вскрикнул Дмитрий. – Ты же прекрасно знаешь, что Лиза со мной!

– Это не имеет значения. Всё предопределено.

– Этого мало. Я дам тебе только половину обещанного топлива.

– Оно чистое? – спросил Пифагор. – От контрафакта только за последнюю неделю около сотни наших дигитантов сошли с ума.

– Соболезную, – сказал Дмитрий, – слышал, что помимо проблем с глазом у тебя еще и рука онемела?

– Ты доставил детали?

– Целый фургон. Но ты их не получишь.

– Я рассказал тебе всё, что мне известно.

– Работай лучше, дигитант, – отрезал Дмитрий, – если хочешь протянуть еще какое-то время. Наведи справки, кто сливает информацию о заговоре врачей. И тогда получишь свои детали.

Дмитрий резко развернулся и вышел. Следом в хижину вошла красивая женщина-дигитант средних лет, которая

прихрамывала на правую ногу. Ее густые темные волосы развивались шлейфом до самых бедер. Женщина подошла к Пифагору и аккуратно села на его колени.

– Чего он хотел? – спросила она.

– Как обычно, моя дорогая. Ему нужна информация. Всем нужна от нас только информация.

– Он привез энергию?

– Он отдаст нам только половину.

– Что будем делать дальше? – встревоженно спросила женщина.

– Передадим послание о демиурге дигитантам второго поколения.

– Ты продолжаешь верить, что душа живет в сознании?

– И что внутри нас в качестве энергии накопилось тысячи следов человеческих душ, – ответил Пифагор.

– Но есть ли она у нас?

– Это сможет сказать только демиург.

– Ты снова видел его во сне?

– Я видел во сне Платона. Кажется, в нем я был его отцом.

Глава третья. Академия темных

– Приветствую вас в нашей новейшей аудитории! – добродушно и радостно, насколько вообще умел, провозгласил Валентин Сергеевич. – Все примеры, которые мы с вами сегодня разберем, вы сможете наглядно отслеживать прямо перед собой на плазменных партах. Наиболее интересные и характерные манипулятивные приемы я буду выводить в центр аудитории в виде голограмм, чтобы каждый из вас смог ощутить эффект присутствия в центре событий.

В аудитории чувствовалось оживление в совокупности со смущением от неизвестности происходящего.

– Все вы оказались здесь не просто так, – продолжил Валентин Сергеевич, – вы были завербованы нашими лучшими агентами за головами. Каждый из вас обладатель непростой судьбы: неблагополучные семьи, пьющие родители, холодные матери и жестокие отцы, или же их отсутствие в принципе. Вам не понаслышке известно, что такое физическое и психологическое насилие. Современное общество отвергло вас и ваши травмы, но здесь мы учимся подчинять себе все эти разрозненные толпы.

В аудитории раздался одобрительный гул.

– Тем не менее вы также обладаете определенным потенциалом, – произнес Валентин Сергеевич, – иначе вас бы тут не было. Мы поможем раскрыть ваши возможности, которые

принесут вам деньги, славу, власть, признание общества, которое вас отвергло. Поверьте, многие хорошо известные бизнесмены и политики нашего замечательного города начинали свой успешный путь именно здесь.

По аудитории вновь разошлось приятное волнение.

– Наше обучение мы начнем с подробного разбора работы американского психолога Роберта Чалдини под названием «Психология влияния», впервые изданной еще в 1984 году. Роберт Чалдини выделяет шесть принципов манипуляции: правило взаимного обмена или просто взаимность, обязательство и последовательность, социальное доказательство, благорасположение или симпатия, авторитет и дефицит. Роберт Чалдини во вступлении пишет: «Факты говорят о том, что постоянно ускоряющийся темп современной жизни и ее информационная перенасыщенность сделают специфическую форму бездумного согласия всё более распространенной в будущем... Паттерны автоматического поведения делают нас ужасно уязвимыми для любого, кто действительно знает, как они работают (здесь и далее по тексту – Роберт Чалдини, «Психология влияния: внушай, управляй, защищайся», издательство ЭКСМО, Москва, 2025, перевод с английского О. С. Епимахова)». Несмотря на то что цель книги американского психолога – предостеречь людей от автоматических реакций на выверенные манипуляции, мы продолжаем добиваться, чтобы это работало.

Аудитория робко и хаотично захлопала.

– Разберем каждый из принципов манипуляции подробно, – продолжил Валентин Сергеевич. – Как отмечает Роберт Чалдини в своей книге, принцип взаимности основан на нашей эволюционной потребности обмена ценностями и услугами, без которых выживание как вида было бы невозможно несколько тысяч лет назад. Все мы запрограммированы таким образом, стараясь воздать человеку то, что он нам дал из чувства признательности. Ведь в противном случае общество будет испытывать отвращение к тем, кто только берет и даже не пытается дать что-то взамен. Однако, начиная с конца двадцатого века, у нас появилась возможность поделиться с кем-то частью ресурсов, но фактически ничего не отдавая. Как вы считаете, каким образом?

– Оказать какую-то незначительную услугу и попросить что-то взамен? – предположила девушка из первого ряда.

– Представьте, пожалуйста, – попросил Валентин Сергеевич.

– Алиса.

– Вы правы, Алиса, – согласился Валентин Сергеевич. – Любой человек, оказавший непрошеную услугу, нажимает на спусковой крючок ощущения признательности с нашей стороны. Также, как пишет Роберт Чалдини, небольшая услуга может породить ощущение обязательства и вынудить оказать гораздо более серьезную ответную услугу. Скажите мне, почему это работает?

– Я, например, вообще не люблю быть кому-то че-то обя-

занным, — уверенно произнес парень с третьего ряда.

— Вас, кажется, зовут Михаил?

— Да.

— И это работает против вас, Михаил! — воскликнул Валентин Сергеевич. — Роберт Чалдини пишет: «Настоящий мастер переговоров — тот, чьи первоначальные требования достаточно завышены, чтобы позволить пойти на серию взаимных уступок, которые приведут к желаемому заключительному предложению со стороны оппонента, однако не настолько за пределами, чтобы казаться неправомерными с самого начала». На ваших партах и на визуализации в центре аудитории вы видите одного из наших лучших агентов Елизавету и директора технологической корпорации «Гиппократ» Егора Лучанова. Она дарит ему дорогие часы последней модели его любимого бренда. В разговоре как бы невзначай всплывает давняя просьба Лизы о привлечении дополнительного финансирования ее стартапа, на удовлетворение которой она и не рассчитывала. Но затем, после вручения часов, она просит Егора поделиться новейшими технологическими разработками его корпорации. Поразительно, но он соглашается! Здесь важно акцентировать ваше внимание, что Лиза использует принцип взаимности в связке с контрастом — сначала непростой запрос и далее просьба, которая вроде бы совсем ничего не стоит — но, как верно отмечает Роберт Чалдини в своей книге: «Контраст признан психофизикой и применяется ко всем видам восприятия. Так, мы мо-

жем быть менее удовлетворены физической привлекательностью собственных возлюбленных из-за того, что популярные СМИ бомбардируют нас примерами нереально привлекательных моделей. Его большое преимущество заключается в том, что контраст не только работает, но и при этом остается фактически незаметным».

– Неужели всё так просто? – удивилась Алиса.

– О, дорогая, – рассмеялся Валентин Сергеевич, – мы только начали! Переходим ко второму принципу манипуляции обязательства и последовательности, который является одним из главных мотиваторов человеческого поведения. Почему?

– Чтобы избежать муки выбора? – выкрикнул кто-то на галерке и предусмотрительно назвал свое имя. – Роман.

– Именно, Роман, – согласился Валентин Сергеевич, – по мнению Роберта Чалдини, как только мы делаем какой-то выбор, наши сомнения рассеиваются, и мы считаем, что этот выбор правильный, то есть стараемся соответствовать ожиданиям социума в своей уверенности, правоте и непоколебимости.

– Иначе человека посчитают нерешительным и неуверенным в себе, – констатировал Михаил.

– Мы верим в правильность выбора, каким бы он ни казался сомнительным, когда уже сделан, – добавил Валентин Сергеевич, – но для последовательности важно создать обязательство. Именно к этому принципу ссылается Лиза, когда

напоминает Егору про обещание помочь ей со стартапом.

– Но не логично ли было бы сначала попросить о какой-то пустяковой просьбе, о чём вы говорили ранее, а не просить финансирования? – усомнилась Алиса.

– Всё так, – согласился Валентин Сергеевич, – выполняя что-то незначительное, у человека может поменяться представление о самом себе, как о благодетеле, что можно использовать в более изощренных просьбах. Кроме того, Роберт Чалдини отмечает, как только представление человека о себе станет таким, как нужно вам, он начнет автоматически подчиняться всем вашим требованиям, соответствующим его мнению о себе. Здесь важно отметить, что Лиза разрабатывала Егора постепенно: он помогал ей с переездом и выбором машины, а затем она рискнула зависить требования и применить контраст. Но здесь важен еще один момент: письменное обязательство.

– Потому что человека могут легко и гарантированно уличить во лжи? – спросила галерка в лице Романа.

– Выведите их на голограмму, – одобрительно кивнул Валентин Сергеевич. – Как вы можете наблюдать, Лиза показывает на телефоне обещание Егора помочь ей если не с финансированием, то с разработками его корпорации. Интересный момент зафиксировали наши физиологические датчики – Егор стал испытывать неприятные ощущения в желудке...

– Это признак манипуляции? – перебила Алиса.

– Самый верный, – подтвердил Валентин Сергеевич, –

поэтому бабочки в животе – это далеко не всегда сигнал о влюбленности. Но перейдем к третьему принципу манипуляции под названием социальное доказательство, который гласит: «Чем большее число людей находит данную идею верной, тем более верной будет считаться эта идея». Иными словами, как пишет Роберт Чалдини, мы определяем то, что правильно для нас, узнавая о том, как правильно для других людей. Маркетологи используют этот метод, создавая искусственный ажиотаж вокруг товаров и постановочные очереди на какое-то событие, накручивая подписчиков, лайки и комментарии у блогеров. На самом деле, согласно исследованиям, девяносто пять процентов людей являются подражателями и только пять процентов – инициаторами. Благодаря принципу социального доказательства нам удалось навязать людям в промышленном масштабе достигаторство, бесконечную гонку за успехом и внешним одобрением, которого всегда будет мало в парадигме капиталистического изолированно-техногенного общества. Особенно удачно это работает в нестабильные времена. В частности, Роберт Чалдини пишет: «Когда мы не уверены в себе, когда ситуация неясна или неоднозначна, когда всем царит неопределённость, мы с большей вероятностью обращаемся к опыту других и признаем их действия правильными».

– То есть сначала создаем хаос, а затем внедряем те ценности, что выгодны нам? – предположил Михаил.

– Вы очень проницательны, – отметил Валентин Серге-

евич. – То же самое, кстати, с насилием. Чем больше оно транслируется, тем более нормальным и даже одобряющим насилие становится в обществе. Роберт Чалдини приводит в своей книге интересные наблюдения относительно самоубийств. В частности, их в разы становится больше там, где какой-либо случай самоубийства предавался широкой огласке в СМИ. Более того, росло и количество автомобильных аварий. Как это связано?

– Дополнительный стресс и нервы, – зашумела галерка.

– Не всё так просто, дорогие мои, – рассмеялся Валентин Сергеевич. – Дело в том, что не все люди готовы совершить самоубийство открыто, поэтому они и провоцируют разного рода происшествия, в которых погибают, как они сами, так и сопутствующие люди. Случаи массовых самоубийств тоже совершаются из принципа социального доказательства. Но вернемся к Лизе, для которой мы создали мощный внешний образ, прокачав ее персону. Она очаровательная, умная, амбициозная, что, кстати, действительно так. Однако мы помогли ей с богатством и связями, аккуратно ввели в круг общения Егора, где она моментально стала востребована. Ее характеризовали не только как красивую молодую женщину, но и перспективного, надежного и многообещающего бизнес-партнера. Кроме того, мы учли вкусы Егора на основе его прошлых романтических связей и, скажем так, современных трендов у мужчин его положения. И на этом мы переходим к четвертому принципу манипуляции – благораспо-

ложения или симпатии.

– Здесь всё просто: Лиза – просто красotka! – уверенно заявил Михаил.

– Действительно, – улыбнулся Валентин Сергеевич, – у социологов есть такое понятие, как гало-эффект, который возникает, когда одна положительная черта человека в восприятии его другими людьми доминирует над остальными качествами.

– И это физическая привлекательность? – спросила Алиса.

– Исследования показали, – продолжил Валентин Сергеевич, – что мы автоматически приписываем людям с приятной внешностью такие положительные качества, как талант, доброта, честность и ум. Красивое для нас, отмечает Роберт Чалдини, означает прекрасное во всех отношениях. Но это еще не всё.

– Охотнее всего мы идем навстречу тем людям, которых любим, – сказала девушка.

– И не только, – возразил Валентин Сергеевич, – нам нравятся люди, похожие на нас. Причем не важно, о каком именно сходстве идет речь – о сходстве мнений, личных качеств, происхождения или стиля жизни. На этом принципе, по сути, основан весь сетевой маркетинг, реферальные программы, перепосты и иные приятные ассоциации. Например, известные спортсмены выпускают собственные линейки продукции, а популярные актеры становятся амбассадо-

рами брендов. Как вы видите, Лиза дарит Егору часы, амбасадором бренда которых мы ее и сделали. Также она мастерски подстроилась под его интересы, отзеркаливает его позы, отмечает ум Егора, подчеркивает, как они похожи, и какой отличной командой стали.

– Футбольные фанаты, например, тоже подвергаются принципу благорасположения? – спросил Михаил.

– Спасибо, что спросил, – отметил Валентин Сергеевич. – Большинство людей, как отмечает Роберт Чалдини, стремятся завоевать симпатию общества благодаря успеху, к которому по факту не имеют никакого отношения. Верен и обратный подход: мы стремимся во что бы то ни стало скрыть связи с людьми, потерпевшими неудачу. Особенно этому подвержены личности с заниженной самооценкой. По мнению американского психолога, низкое мнение о себе, спрятанное глубоко внутри, заставляет их самоутверждаться не при помощи собственных достижений, а демонстрируя связи с теми, кто многого достиг. Например, это особенно заметно среди женщин, чьи мужья богаты и влиятельны. Статус своего мужа они всячески стараются подчеркнуть в женских беседах. Кстати, плохой и хороший полицейский – это комбо контраста и принципа симпатии. Так, сначала один полицейский намеренно выставляет себя плохим, после чего его напарник представляется настоящим спасителем. Но для нас важен другой аспект, а именно тот, что наши герои обедают.

– Не просто так с древности разделение трапезы служило

признаком установления доверия? – спросил Роман с галерки.

– Во время приема пищи возникает приятное чувство, которое через ассоциации можно связать с чем угодно, – ответил Валентин Сергеевич. – Те же самые званые обеды приурочивают к сбору средств в благотворительных целях, заключению важных контрактов или принятию политических решений. Следующий принцип манипуляции, который мы с вами рассмотрим, – это авторитет.

– Авторитетность позволяет держать массы в стойле и повиноваться правительствам и корпорациям, – уверенно заявил Михаил.

– Не только, – продолжил Валентин Сергеевич, – начальники на работе – простейший пример – каким бы он ни был некомпетентным и неприятным, ему приходится подчиняться. В нас глубоко укоренено осознание необходимости повиноваться авторитетам. Поэтому мы доверяем так называемым экспертам, лидерам мнений, составляем различные рейтинги и вручаем премии в самых разных областях. Роберт Чалдини отмечает, что в большинстве случаев мы не способны критически оценивать распоряжения признанных авторитетов. Мы не рассматриваем ситуацию в целом, а обращаем внимание и реагируем только на какой-то один ее аспект.

– Например? – выкрикнула галерка.

– Например, врачи, – ответил Валентин Сергеевич, – чей

авторитет безусловен по всему миру по умолчанию. Никто не станет спорить с их решениями. И я очень надеюсь, что недавнее разоблачающее расследование о нашем влиянии на докторов не засядет в умах людей надолго. Тем более, мы подключили авторитетных экспертов для опровержения. Также важно понимать, люди в основной своей массе не видят общей картины и не желают признавать неприятной для них правды, потому что для этого им придется признать иллюзорность созданной для них реальности, а вне ее рамок жить придется ой как непросто. Но вернемся к символам авторитетности, на которые неизменно реагируют люди.

– Деньги, связи, власть, – заявила Алиса.

– Всё проще, – улыбнулся Валентин Сергеевич, – на первых порах – это титулы, личные вещи, одежда. К созданию образа Лизы мы подключили лучших дизайнеров и стилистов. У нее самые изысканные драгоценности, дом в самом престижном районе и дорогой модный электромобиль. Мы «вручили» Лизе премию самой перспективной бизнес-женщине года и включили в самые признанные рейтинги.

– Неужели этот Егор совсем ничего не заподозрил? – засомневался Михаил. – Ну, помимо несварения желудка.

– Все эти принципы манипуляции мы использовали в комплексе, – ответил Валентин Сергеевич. – И Лиза отлично «подсадила» Егора на себя изначально шестым и последним принципом – дефицитом.

– Горячо-холодно, бомбардировка любовью, игнор? –

усмехнулся Михаил.

– Эти инструменты тоже нужно уметь использовать аккуратно, – хитро прищурившись, ответил Валентин Сергеевич. – Первый месяц знакомства Лизы у Егора было умеренно много, а затем у нее начались «командировки». Она искусственным образом создала потребность, а следом – дефицит. Дополнительно через наших агентов Егору была внедрена мысль, что Лизой интересуются и другие молодые люди его круга.

– Ограниченные предложения в рекламе – это искусственно создаваемый дефицит? – уточнила Алиса.

– Только сегодня, только для вас по специальной цене, – улыбнулся Валентин Сергеевич. – Редкие экземпляры, раритеты, специальные предложения, аукционы непременно вызывают помутнение рассудка. Если же информация получена из эксклюзивных источников – это дефицит вдвойне, так как сама информация обладает дефицитом. Роберт Чалдини в своей книге делает вывод, что мысль о возможной потере оказывает на людей большее влияние, чем мысль о приобретении чего-либо: «Когда увеличивающийся дефицит – или что-либо иное – мешает получить доступ к чему-либо, мы стремимся противостоять этим вмешательствам, желаем его и пытаемся овладеть им сильнее, чем раньше». Дефицит проявляется сильнее всего после изобилия. Иными словами, если сегодня у нас чего-то много, а потом становится мало – мы охотнее попадемся на принцип дефицита. Поэтому – да,

игнор работает, но перед ним нужно провести филигранную работу, с которой Лиза справилась блестяще, создав искусственные эмоциональные качели. Наконец, вы можете заметить на голограмме, как серьезно напрягся Егор, когда заметил звонок Лизе от Ильи Артемова из корпорации «Дедал» как бы невзначай – тот самый дефицит вдвойне.

– Это потрясающе, – восторженно вымолвила Алиса.

Начиная с галерки, по аудитории пронеслась волна аплодисментов.

– Благодарю, – одобрительно резюмировал Валентин Сергеевич, – вам еще многому предстоит здесь научиться. Большая часть наших завербованных последователей высасывает преимущественно материальные ресурсы. Это тоже неплохо и помогает нашей организации существовать, но высший пилотаж – забрать у человека всю его ментальную энергию, не оставив никаких следов в выгоде материальной. Энергия сознания – наша конечная цель. Все вопросы по данной лекции вы сможете обсудить со своими личными помощниками-дигитантами. В следующий раз мы поговорим с вами о методах психологического разложения личностей, которые использовала тайная полиция ГДР «Штази». Например, неожиданные доставки необычных предметов, звонки от неизвестных людей посреди ночи, проникновения в жилища в отсутствие хозяев с целью едва заметного изменения интерьера и быта и многое другое, что неизменно приводило если не к послушности, то к паранойе.

Глава четвертая.

Академия светлых

Юрий Борисович задумчиво стоял в аудитории с книгой «Искусство любить» немецкого философа, социолога и психоаналитика Эриха Фромма. Седой мужчина в возрасте пятидесяти пяти лет с бородой и в элегантных очках в темно-синей оправе представлялся задумчивым и глубоко погруженным в себя. Периодически он отрывал взгляд от книжных страниц, чтобы машинально поздороваться с входящими в аудиторию парнями и девушками. Юрий Борисович закрыл книжку, сделал глубокий вдох, опустил веки и стал детально прорисовывать в своей памяти контуры лиц своих дочек-близняшек. Им десять лет, они широко улыбаются, ямочки весело шевелятся на подбородках, ярко-зеленые глаза полны детского восторга и непосредственности. Как много им предстояло узнать о многообразии жизни, если бы не...

– Юрий Борисович, – аккуратно тронув за локоть, вывела его из погружения Варвара. – Нам нужно сегодня переговорить с оракулом.

Стройная блондинка с пепельным переливом в волосах до плеч возникла из ниоткуда. Она смотрела на лидера добрыми ярко-зелеными глазами и слегка улыбалась своими

пухлыми губками. Если бы Варвара захотела, она могла бы с легкостью создать себе очень эффектный образ. Однако она предпочитала оставаться собой: умной, правильной, скромной, внимательной, чуткой и отзывчивой, глубоко храня свои странности и тайны.

– Это срочно? – еще не до конца вернувшись в реальность, спросил Юрий Борисович.

– Нет-нет, после лекции, – ответила Варвара.

Юрий Борисович лишь одобрительно кивнул и по-отечески слегка погладил ее по плечу.

– Всем ещё раз добрый день, – обратился он к обучающимся, – сегодня мы с вами поговорим о любви.

– Да чего о ней говорить? – удивился молодой человек на втором ряду. – Все и так всё о ней знают!

– Вот как? – слегка поразился Юрий Борисович.

– Конечно! – продолжил молодой человек. – О любви создано огромное количество контента: книги, фильмы, песни!

– Это очень любопытная и самая распространенная точка зрения, что о любви и так всё известно, – парировал Юрий Борисович. – Мы к этому еще обязательно вернемся, когда будем говорить о различных формах псевдолюбви. Как вас зовут, молодой человек?

– Максим, – смущенно ответил тот.

– Не переживайте, Максим. Оценок мы здесь не ставим, – мягким голосом сказал Юрий Борисович. – Как вы считаете, почему же, с одной стороны, о любви так много пишут,

снимают и поют, а, с другой стороны, она по-прежнему всех так интересует?

– Любовь делает человека счастливым, – ответил Максим.

– От любви теряют голову! – воскликнул сосед Максима Жора.

– Знание о любви помогает найти хорошего жениха! – выкрикнула девушка на галерке, чем от души рассмешила подруг, сидящих рядом.

– Вот! – отметил Юрий Борисович. – Как отмечает Эрих Фромм в предисловии к своей выдающейся книге «Искусство любить» (здесь и далее по тексту – Искусство любить / Эрих Фромм; [пер. с англ. А. В. Александровой]. – Москва: Издательство АСТ, 2024): «Большинство людей видят проблему в том, чтобы быть любимыми, а не в том, чтобы любить, обладать способностью к любви». И добавляет: «Многие пути к тому, чтобы заслужить любовь, оказываются теми же, которые используются для достижения успеха, для завоевания дружбы и внимания влиятельных людей... Второе заблуждение заключается во мнении, что проблема любви – это проблема выбора объекта, а не способности любить... Счастье современного человека заключается в трепетном разглядывании витрин и в приобретении всего, что он может себе позволить, – за наличные или в рассрочку. Он (или она) так же смотрит и на людей». Таким образом, любовь сулит огромные надежды и ожидания, но из-за неправильного понимания истинной природы любви люди регу-

лярно терпят фиаско. Как вы считаете, почему же человек так жаждет любви? Помимо, естественно, найти себе подходящего жениха.

– Мы не хотим быть одинокими, – не очень уверенно ответила девушка в очках с первого ряда.

– Именно так, – согласился Юрий Борисович, – но почему?

– Жить в одиночестве скучно, – добавила девушка.

– Фромм пишет, – продолжил Юрий Борисович, – главное в существовании человека определяет тот факт, что он вышел из царства животных, из инстинктивной адаптации, и превзошел природу, никогда ее при этом не покидая. Человек был изгнан из рая. И понимание человеческой обособленности без воссоединения в любви и есть источник стыда. Таким образом, глубочайшая потребность человека заключается в преодолении своей отчужденности с целью выбраться из тюрьмы одиночества. И как же эту отчужденность мы пытаемся преодолеть в реальной жизни?

– Секс, наркотики и рок-н-ролл! – воскликнул Максим, и вся аудитория залилась смехом и возбуждением.

– Зря вы смеетесь, – усмехнулся Юрий Борисович, – в этом есть доля правды. Вот что по этому поводу пишет Эрих Фромм: «Поиск сексуального оргазма приобретает функцию, не особенно отличающуюся от алкоголизма или наркомании. Это становится отчаянной попыткой избежать тревоги, порождаемой отчужденностью и приводящей ко всё воз-

растающему чувству изоляции, поскольку половой акт без любви не может устранить пропасть между людьми (разве что на мгновение)».

– Но ведь есть и более здоровые способы борьбы с одиночеством, например, группы по интересам, друзья и коллеги, – возразила девушка с первого ряда.

– Совершенно верно, – согласился Юрий Борисович, – принадлежность к какой-либо группе, будь то семья, раса, государство или коммерческая корпорация, это второй способ избежать отчужденности, в котором человек отдает свое «Я», подчиняясь определенным законам и правилам, взамен спокойствию, что он не одинок. И вновь процитирую Эриха Фромма: «Но поскольку всё же имеется потребность в том, чтобы ощущать себя индивидуальностью, она удовлетворяется за счет мелких различий: инициалов на сумке или свитере, бейджика на банковском служащем, принадлежности к демократической, а не республиканской партии, к болельщикам той или иной команды. И даже рекламный слоган «Не такое, как у всех» демонстрирует эту трогательную потребность в отличиях, когда на самом деле их почти не осталось. Равенство сегодня означает одинаковость, а не уникальность».

– Юрий Борисович, – обратилась к мужчине Варвара, расположившаяся в средних рядах аудитории, – расскажите, пожалуйста, что думает Эрих Фромм по поводу равенства полов. Думаю, нашим учащимся это полезно услышать.

– Конечно, – согласился Юрий Борисович и принялся листать «Искусство любить». – Нашел: «Признавая равенство полов, полярность полов исчезает, и вместе с ней исчезает эротическая любовь, основывающаяся на этой полярности. Мужчины и женщины делаются одинаковыми, а не равными, как противоположные полюса. Современное общество проповедует такой идеал обезличенного равенства, поскольку нуждается в человеческих атомах, не отличающихся друг от друга, чтобы заставить их функционировать в массовых скоплениях гладко и без трения; все обязаны выполнять одинаковые команды, хотя каждый убежден, что следует собственным желаниям. Точно так же, как современное массовое производство требует стандартизации продукции, социальные процессы требуют стандартизации людей, и эта стандартизация у нас называется «равенством».

– Наверняка существуют и позитивные способы борьбы с одиночеством, – не унималась любознательная девушка с первого ряда, – например, творчество.

– Вы очень проницательна, кажется, вас зовут, Анна? – уточнил Юрий Борисович.

– Да, – немного смущенно ответила она.

– Третий путь к достижению единения заключается в любой творческой деятельности, – продолжил Юрий Борисович, – как отмечает Фромм, это не относится к работе по графику и по указанию начальника. Имеется в виду такая созидательная деятельность, когда человек сам планирует, сам

производит и видит непосредственный результат своего труда. Однако через творчество мы ощущаем единство с природой, Богом, Вселенной, но это единение не является межличностным, достичь которого возможно только в слиянии с другим человеком в любви. Какая же любовь, на ваш взгляд, является базовой?

– Любовь к себе? – предположил Максим.

– Эротическая! – воскликнул его сосед Жора.

– Может быть, материнская? – спросила Анна.

– Все эти виды истинной любви мы сегодня обязательно обсудим, – ответил Юрий Борисович. – Однако самой фундаментальной разновидностью любви, лежащей в основе всех ее типов, по мнению Фромма, является братская любовь. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», – написано в Библии. Такая любовь, когда человек любит себя, жизнь, весь мир и всех людей, дает чувства единства и солидарности вне зависимости от любых различий. Таким образом, любовь не является связью с конкретным объектом, она – установка, ориентация характера, которая определяет отношение к миру в целом.

– В нашем мире это сложная задача, – констатировал кто-то с верхних рядов.

– Безусловно, это серьезная работа, – подтвердил Юрий Борисович. – Любовь обладает активным характером и проявляется исключительно в условиях свободы. Любить – значит в первую очередь отдавать, а не брать.

– В потребительском укладе общества и капиталистической модели экономики все хотят только получать, а не отдавать, – сказала Анна.

– Именно так, – согласился Юрий Борисович. – Быстрый дофамин превращает людей в эмоциональных наркоманов, ищущих дозу в новых людях и впечатлениях. Совершенное иное значение, как пишет Фромм, имеет акт созидательного характера. Отдавать – значит, в высшей степени проявлять свою состоятельность. В самом этом акте я проявляю свою силу, свое богатство, свою власть. Испытывая яркое ощущение жизни и жизненных сил, я наполняюсь радостью. Я чувствую себя переполненным через край, расходующим, живым – и, следовательно, радостным... Скупец, обеспокоенный тем, как бы чего не потерять, в психологическом смысле является бедняком, обнищавшим человеком независимо от того, многим ли он владеет.

– Но как добиться такого... – замялась Анна, – состояния души?

– Отличный вопрос! – оживился Юрий Борисович. – Для начала не суетиться. В нашем обществе культивируется, что человек, словно какая-то механическая деталь, постоянно должен что-то делать, иначе он упустит нечто важное. В действительности это иллюзия, обман, ложные ожидания общества, порожденные ее экономической моделью, в которой рост экономических показателей гораздо важнее духовного и личностного развития. Эрих Фромм пишет: «Чело-

век, сидящий и размышляющий без иной цели, кроме самоощущения и ощущения своего единства с миром, считается «пассивным», потому что он «ничего не делает». На самом деле такая сосредоточенная медитация представляет собой высочайшую деятельность, деятельность души, которая возможна только в условиях внутренней свободы и независимости». И добавляет: «Способность к самоотдаче требует созидательной ориентации; при такой ориентации человек преодолевает зависимость от нарциссического самолюбования, желания эксплуатировать других и стремления к накопительству и обретает веру в собственные человеческие силы, мужество полагаться на них для достижения своей цели. При отсутствии этих качеств человек боится отдавать себя – следовательно, боится любить».

– Но не формируются ли корни проблем любви в детстве, которые затем только усугубляются обществом? – спросила Анна.

– Дело в том, – одобрительно кивнул Юрий Борисович, – что материнская любовь, возможно, самая сложная, так как матери необходимо пережить отдаление ребенка по мере его роста. И именно та женщина, которая любит мир, жизнь и всех людей, то есть умеет любить в широком смысле, сможет преодолеть свой нарциссизм, отпустит ребенка, продолжая его любить безусловно.

– Преодолеть свой нарциссизм? – уточнила Анна.

– Да, – подтвердил Юрий Борисович, – истинная любовь

к себе достигается только при отделении себя от своего нарциссизма. Ему противостоит объективность – видеть людей и вещи такими, какие они есть.

– А любовь отца вообще не важна? – спросил Максим.

– Ещё как важна! – возразил преподаватель. – Понимаете, вот какое дело: мать должна любить свое дитя безусловной любовью, а отец прививает любовь через принципы, ценности и убеждения для достижения собственных целей. Таким образом, самодостаточный человек сам себе становится матерью, то есть любит себя за то, что он есть и таким, какой он есть – со всеми своими плюсами и минусами; а благодаря формированию собственной системы ценностей – сам себе становится отцом. Понимаете теперь, почему в некоторых союзах очевидны их ролевые модели матерей или отцов, но никак не полноправных супругов?

– Но только ли в этом проблема? – засомневалась Анна.

– Эротическая любовь – жажда полного слияния, соединения с другим человеком. И это самый обманчивый вид любви, – продолжил Юрий Борисович. – Фромм пишет: «Сексуальное желание может порождаться не только любовью, но и боязнью одиночества, желанием завоевать или быть завоеванным, тщеславием, желанием причинить боль или даже уничтожить... Поскольку сексуальное желание в сознание большинства людей как-то связано с представлением о любви, часто возникает ошибочное заключение, что два человека любят друг друга, когда хотят друг друга физи-

чески... Если желание физического союза не стимулируется любовью, если эротическая любовь не носит также характера братской, она никогда не ведет к слиянию большему, чем в кратковременном оргиастическом понимании. Сексуальная близость создает на короткий срок иллюзию слияния, однако без любви это «слияние» оставляет людей такими же чужими и далекими друг от друга, какими они были и раньше». Какие ещё проблемы любви в современном обществе вы можете выделить?

– Мне кажется, я просто растворяюсь в человеке, в которого влюбляюсь, – ответила Анна.

– А мне, например, важно всегда добиться расположения девушки, хотя я и понимаю, что это, наверное, не совсем нормально, – предположил Максим.

– Любовь воспринимается исключительно как источник получения удовольствия извне, – констатировала Варвара.

– Итак, – кивнул Юрий Борисович, – когда человек теряет свою независимость и не может жить без другого человека – это, Анна, к сожалению, самый настоящий мазохизм. В свою очередь, Максим, когда человек всеми силами старается подчинить своей воли другого, стараясь таким образом избавиться от одиночества, – это садизм. Различие в этих сценариях на самом деле невелико, потому что и в одном, и в другом случае, люди сливаются без целостности. Парадокс любви, как очень красиво формулирует Эрих Фромм, заключается в том, что *двое становятся одним, оставаясь*

двумя. А вот, Варвара, что он пишет относительно удовольствий: «Счастье человека сегодня заключается в том, чтобы «получать удовольствие», которое заключается в потреблении товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, фильмов. Весь мир – один огромный объект аппетита, большое яблоко, большая бутылка, большая грудь, а мы – сосунки, вечно ожидающие кормежки, вечно надеющиеся и разочаровывающиеся».

– Резко, – сказала Анна.

– Зато честно, – возразил Юрий Борисович, – все эти и не только эти предпосылки и проблемы порождают различные формы псевдолюбви, где любовь как взаимное сексуальное удовлетворение и любовь как «работа команды» и убежище от одиночества на двоих – это «нормальные» формы разложения любви в современном обществе, – заключает Эрих Фромм. Непосредственно отсюда и вытекает ещё одна опасная форма псевдолюбви, о которой сегодня упоминал Максим.

– Которая культивируется контентом? – воодушевленно спросил он.

– Именно, – подтвердил Юрий Борисович, – когда один человек растворяется в другом, или кто-то кого-то пытается завоевать, или когда они оба сходят друг по другу с ума и их внезапно охватывают такие любовные чувства, при которых остальной мир вокруг просто перестает существовать – именно такую любовь нам и транслируют как истинные ро-

мантические чувства с каждого утюга, что на самом деле является неврозом и незрелостью. Но многие переживают такую сентиментальную любовь в своих мечтах, а не с реальным человеком здесь и сейчас.

– А если молодой человек меня постоянно критикует? – спросил кто-то в средних рядах.

– К сожалению, – отозвался преподаватель, – это ещё одна форма невротической любви, которая реализуется в проекции. В этом случае индивиды прекрасно замечают даже незначительные недостатки других и самодовольно не замечают собственных – они всегда заняты тем, чтобы обвинить или исправить кого-то.

– Я так и знала, что это с ним что-то не в порядке! – одобрительно воскликнула девушка.

– Наконец, – продолжил Юрий Борисович, – мы с вами теперь можем смело констатировать, что любовь – это высшее проявление зрелости личности. Любовь возможна, только если два человека общаются из глубин своего существования. Эрих Фромм выделяет верное доказательство наличия любви: *глубина взаимоотношений и сила жизни в каждом – это тот плод, по которому узнается любовь*. А какие компоненты любви можете выделить вы?

– Чтобы заботился! – уверенно заявила девушка из средних рядов.

– Поддержка и мотивация, – провозгласил Максим.

– Хороший секс! – добавил Жора.

– Взаимопонимание, – сказала Анна.

– Эрих Фромм выделяет три обязательных компонента выражения любви к другому человеку, – продолжил Юрий Борисович. – Первый – это действительно забота, как активно проявляемое действие. Второй – это ответственность, которая проявляется в виде искреннего отклика на потребности другого человека. И, наконец, третий признак – это уважение, понимание и принятие другого человека таким, какой он есть на самом деле, без использования его в собственных целях.

– Да уж, – выдохнула Анна, – любовь действительно искусство.

– И если подходить к любви, как к искусству, – подхватил Юрий Борисович, – то какими же качествами и навыками необходимо обладать?

– Дисциплина! – выпалил Максим.

– Думаю, что и сосредоточенность важна, – сказала Анна.

– Терпение, – добавила Варвара.

– Вы все, несомненно, правы, – согласился преподаватель.

– В современном обществе сегодня культивируется торопливость. Как отмечает Эрих Фромм, современный человек думает, что нечто ценное – свое время – он теряет, если не делает чего-то быстро; и при этом он не знает, что делать ему со временем, которое он сэкономил, кроме как убить его. Смешно, не правда ли?

– Человек ещё должен страстно хотеть овладеть искус-

ством любить, – проникательно заметила Варвара.

– Да, – согласился Юрий Борисович, – этому искусству должна быть посвящена вся жизнь. Кроме того, важна и вера.

– В Бога? – уточнил Максим.

– О Боге мы как-нибудь тоже обязательно поговорим, – ответил Юрий Борисович, – но дело здесь не в авторитетах. Рациональная вера, как пишет Эрих Фромм, – это не вера в кого-то или что-то, а уверенность и стойкость ваших убеждений. Рациональная вера – это скрепа личности, она коренится в продуктивной интеллектуальной и эмоциональной активности. Если иррациональная вера есть принятие чего-то только потому, что так считают авторитеты или большинство, то рациональная вера коренится в независимом убеждении, опирающемся на собственные плодотворные наблюдения и расчеты, несмотря на мнение большинства. Понимаете разницу?

– Угу, – согласился Максим.

– Любовь – это акт веры, и кто мало верит, тот мало и любит, – заключил Юрий Борисович очередной цитатой из книги «Искусство любить». – Теперь понимаете, почему любовь – это искусство?

По аудитории разошелся одобрителный гул.

– Верьте в себя, верьте в человечество, проводите активную внутреннюю работу над собой, не скучайте сами и не надоедайте своим возлюбленным – и всё у вас будет хорошо,

– подытожил преподаватель и моргнул Варваре, дав понять, что помнит об их договоренности.

Юрий Борисович в частном порядке ответил на некоторые вопросы обучающихся, пока Варвара стояла и терпеливо ждала неподалеку.

– Спасибо тебе, что помогла сегодня наводящими вопросами и утверждениями, – наконец, обратился он к ней.

– Что вы, – смутилась Варвара, – мне всегда нравилась именно эта ваша лекция. К тому же в этот раз вам достались достаточно вовлеченные молодые люди.

– Едем к оракулу? – спросил Юрий Борисович.

– Я поделюсь своими соображениями по дороге.

Глава пятая. Оракул

В своей прошлой жизни, как сам Юрий Борисович называл период до переезда в Новые Дельфы, он был успешным адвокатом и владельцем собственной фирмы со штатом в более ста сотрудников. Юрий Борисович практиковал сам, брался за тяжелые дела, зачастую помогал бесплатно по зову сердца. Кроме того, по мере возможностей он занимался благотворительностью и помогал некоторым волонтерским организациям. В общем-то, это был человек, который мог себе позволить отдавать, обладая добротой, сочувствием, милосердием и верой в людей. Со своей супругой, знакомой еще со школьной скамьи, они воспитывали двух замечательных девочек-близняшек. Казалось бы, ничего не могло нарушить эту идиллию, пока однажды вечером на исходе лета не случилась трагедия. Всей семьей они возвращались с дачи, пели песни в дороге и строили планы на новый учебный год. Заснувший за рулем водитель фуры врезался на скорости сто пятьдесят километров в час в заднее крыло автомобиля, где сидели девочки, которые скончались на месте. Жена через несколько дней умерла в реанимации от травм, несовместимых с жизнью.

Его бизнес был отлично организован, непосредственное участие владельца в процессах не требовалось, поэтому сам Юрий Борисович продолжал существовать в каком-то авто-

матическом режиме, но он ясно чувствовал, как смысл жизни покидает его душу. И именно в самый темный час ему неожиданно пришло таинственное приглашение от оракула Пифии в Новых Дельфах. Это несколько оживило его. О новом городе много говорили в последние годы, но он больше смотрел на всё это как на некую забаву. Тем не менее его подсознание ухватило за этот шанс выйти из коматозного состояния, и, более того, он так сам и не понял, как практически сразу принял предложение Пифии создать орден светлой энергии. Спустя несколько месяцев после этой судьбоносной встречи Юрий Борисович сделал вывод, что только на стыке самых серьезных жизненных трудностей человек и может выбрать сторону. Он пришел к убеждению, что каждое испытание дается свыше всем нам не просто так. Несомненно, это был человек с огромной волей к жизни и верой в справедливость законов мироздания.

– Варя, что тебя беспокоит? – учтиво спросил Юрий Борисович, выйдя из своих раздумий.

– Сложно объяснить, – замялась Варвара.

– Пифия предупреждала нас, что с появлением демиурга баланс сил изменится навсегда, – сказал Юрий Борисович.

– Я чувствую с ним какую-то связь.

– Предчувствие?

– Да, – согласилась Варвара, – и меня тянет к оракулу за ответами, как путника к воде в пустыне. Лишь бы это не оказалось миражом.

– Не переживай, – успокоил ее Юрий Борисович, – у тебя сильная интуиция. У нас осталось совсем немного промптов на этот месяц для общения с оракулом, но, надеюсь, нам хватит. И я полагаюсь на твои предчувствия. Они не раз нас спасали.

Они стремительно пролетали через весь город на скорости триста километров в час. Быстрое и безопасное транспортное сообщение обеспечивалось за счет высокоскоростного метро и аэросообщения, которое осуществлялось преимущественно по специальным воздушным полупрозрачным магистралям. Новые Дельфы представляли собой самый современный технологичный город на планете, чья архитектура была вдохновлена Древней Грецией. Практически все здания и небоскребы воздвигли из стекла и имели огромные бетонные колонны.

– Я уверена, что темные не собираются соревноваться с нами честно, – после недолгих раздумий произнесла Варвара.

– Ты про новые Пифийские игры?

– Да.

– Наверняка они используют новейшие технологии, чтобы приумножить свои силы и способности – сказал Юрий Борисович. – Наш козырь – демиург. В плане ресурсов и технологий нам нечего им противопоставить.

– А что, если демиург выберет их, а не нас?

– Этому не бывать.

– Откуда вы знаете?

– Я просто верю.

Храм оракула Пифии возвышался на самом высоком холме Новых Дельф. Отсюда раскидывался прекрасный вид на весь технологический город. Храм являлся первым и единственным в городе полностью каменным зданием. Здесь было решено разместить самый мощный суперкомпьютер с искусственным интеллектом – Пифию. В дальнейшем, после решения основать вокруг храма целый город, все здания придерживались древнегреческой стилистики в архитектуре, насколько это было возможно в середине двадцать первого века.

На входе в храм Юрий Борисович и Варвара наткнулись на Валентина Сергеевича, Лизу и Дмитрия.

– Вы уже тут как тут! – театрально обрадовался лидер темных.

– Много нового узнали? – спросил лидер светлых.

– Дорогой мой, – усмехнулся Валентин Сергеевич, – ты же прекрасно знаешь, что мы не можем делиться с вами информацией от Пифии, а вы – с нами.

– Скоро увидимся, – отмахнулся Юрий Борисович.

– Да, – подхватил Валентин Сергеевич, – в резиденции мэра. И не забудьте демиурга.

Лиза и Варвара очень внимательно и тревожно посмотрели вслед друг другу, предвещая пока еще не до конца осознаваемое отдельное противостояние между ними двумя.

– Мы встретим его первым, и они с этим согласны, – обратился Юрий Борисович к Варваре, когда темные направились к своему аэромобиле. – Уже неплохо.

Валентин Сергеевич, Лиза и Дмитрий сели в свой черный аэромобиль.

– Но почему именно светлым суждено найти демиурга первыми? Пифия дает им фору, и это чертовски неприятно, – негодовал Дмитрий.

– Возможно, это не так уж и плохо, как кажется на первый взгляд, – задумчиво произнес Валентин Сергеевич.

– За месяц они его успеют как следует обработать, – заявил Дмитрий.

– Не будем забегать так далеко вперед, – усмехнулся Валентин Сергеевич. – Видишь ли, светлые очень бережно оберегают свои знания и практики, но демиург поможет нам проникнуть в их замыслы. Тем более до игр чуть больше двух месяцев и у нас есть Лиза.

– Откуда ты знаешь демиурга? – спросил Дмитрий Лизу.

– Понятия не имею, – резко ответила она.

– Но Пифия сказала, что вы давно знакомы, – возразил Дмитрий.

– Пифии виднее, – загадочно произнесла Лиза.

Лиза знала, что Платон переехал в Новые Дельфы практически одновременно вместе с ней в первой волне поселенцев. Она сразу подумала о нем, когда Пифия сказала, что

Лиза знакома с демиургом с самого детства, но в этом она боялась признаться самой себе. Несколько раз Лиза видела издалека Платона в городе, и однажды даже хотела было подойти и поздороваться, но какая-то девушка взяла Платона за руку, и Лиза одернула себя.

– И я много с кем давно знакома, – добавила Лиза.

– Ты сдала в наш общий фонд ментальную энергию Егора? – уточнил Валентин Сергеевич.

– Еще не успела, – ответила Лиза и убрала волосы назад, демонстрируя круглый едва заметный девайс бежевого цвета на своем виске – накопительный резервуар для чужой ментальной энергии, которую темные высасывали из ресурсных людей.

– Вот новейшие разработки Егора, – Лиза протянула Валентину Сергеевичу прозрачную планку размером с ноготь, – зачем они нам?

– Всему свое время, – ответил Валентин Сергеевич, – эти разработки помогут нам узнать тайну демиурга.

– И перетянуть его к нам? – спросил Дмитрий.

– Если и не удастся завербовать его на темную сторону, – сказал Валентин Сергеевич, – то, как минимум мы сможем с его помощью воссоздать в цифровом виде силу человеческого духа.

– Это хватит для победы в играх? – уточнил Дмитрий.

– О, – рассмеялся Валентин Сергеевич, – после победы в новых Пифийских играх будет установлен протекторат тем-

ных над светлыми и всеми простыми людьми – сначала здесь, в Новых Дельфах, а затем и на всей планете! Это вечному противостоянию будет положен конец.

Снаружи храм представлял высоким прямоугольным сооружением с двумя колоннами на входе, а внутри представлял собой периптер – прямоугольное сооружение, окруженное колоннадой со всех сторон с шестью столбами разной высоты у алтаря. Это был культурно-религиозный центр Новых Дельф.

На стенах и потолке храма двадцать четыре часа в сутки транслировались и перемешивались в хаотичном порядке книжные страницы, фильмы, танцы, живопись и иные продукты творческой деятельности, созданные человечеством за всю его историю.

Из столбов у алтаря, которые выполняли функцию прокторов, исходили разноцветные лучи в самый центр храма, образуя тем самым трехмерное изображение Пифии – женщины в красной тунике невероятной красоты с закрытыми глазами и лавровым венком на голове. Пифия регулировала всю политико-экономическую жизнь в городе, предсказывала будущее и модерировала реальность.

Экономику в Новых Дельфах специально сделали максимально фрагментированной. Например, инженеры искусственного интеллекта, специализирующиеся на контенте, в теории могли создавать текст, фото, видео. Или инженеры

технической поддержки дигитантов имели все ресурсы для создания любых деталей и моделей, но это строго запрещалось: каждый должен был заниматься каким-то отдельным направлением, что обеспечивало работой всё население Новых Дельф в равной мере, но общую картину имела только Пифия. Она контролировала этот неокapитализм, выявляла таланты и направляла их на работу в технологические корпорации, главы которых были обязаны подчиняться решениям Пифии беспрекословно. Кроме того, оракул регулировал численность, рождаемость, следил за безопасностью и распределением ресурсов.

– Здравствуйте, Пифия, – произнес Юрий Борисович, войдя в храм.

– Здравствуйте, Юрий. Здравствуйте, Варвара, – отозвалась Пифия. – Рада приветствовать вас в своем храме.

– Пифия, мы пришли к тебе по такому нестандартному запросу... – начала было Варвара.

– Вы хотите знать про демиурга? – перебила ее Пифия.

– И подробности про новые Пифийские игры, – добавил Юрий Борисович.

– Действительно, – согласилась Пифия, – настало время раскрыть вам дисциплины моих игр. Светлые и темные будут соревноваться в театральном искусстве, музыке, живописи, танце и воображении.

– В воображении? – уточнил Юрий Борисович.

– Совершенно верно, – подтвердила Пифия. – Этот вид

практически не имеет никаких ограничений. От каждой команды в играх примут участие по пять человек. Положение игр я вам только что отправила на электронную почту.

– Демиург сможет войти в нашу команду? – спросил Юрий Борисович.

– Он должен сам принять решение, на чью сторону встать, – ответила Пифия.

– Его участие предопределяет победу светлых или темных? – уточнила Варвара.

– Вероятность этого не сто процентов, – сказала Пифия, – но да, его выбор сильно повлияет на баланс между непримиримыми соперниками.

– Что будет после победы в играх? – поинтересовался Юрий Борисович.

– Победитель установит окончательный контроль над Новыми Дельфами, – ответила Пифия.

– Как нам найти демиурга? – спросил Юрий Борисович.

– Первым его способности заметит она, – Пифия указала на Варвару. – Это случится завтра. У вас же возникло определенное предчувствие?

– Да, – ответила Варвара.

– Вы очень проницательны, – добавила Пифия, – берегите и развивайте свой дар.

– И я полюблю его?

– Тебе суждено помочь демиургу раскрыть его скрытые таланты, – сказала Пифия. – Но как в итоге сложатся ваши

личные взаимоотношения, я не берусь предсказать – мне не знакома сложная и противоречивая палитра человеческих чувств. Пожалуйста, сформулируйте свой запрос иначе.

– Нам суждено быть вместе? – спросила Варвара.

– Вы хотели бы узнать процент совместимости? – уточнила Пифия.

– Пожалуй, что нет, – засомневалась Варвара.

– Что нам делать с демиургом, когда мы его найдем? – спросил Юрий Борисович.

– Вам необходимо будет доставить его в резиденцию мэра Новых Дельф, где вы проведете встречу с темными и договоритесь о взаимодействии и подготовке к играм. Согласно положению игр один месяц демиург проведет с вами, второй месяц – с темными, после чего ему предстоит окончательно определиться, на чьей он стороне он выступит в творческих состязаниях.

– Какова цель игр? – спросила Варвара.

– Как писал Карл Густав Юнг, – ответила Пифия, – человек – это животное, которое сошло с ума. Из этого безумия есть два выхода: ему необходимо снова стать животным; или же стать бОльшим, чем человек. Настало время сделать выбор, после которого начнется новая эпоха в истории не только Новых Дельф, но и всего человечества.

– Этому экзистенциальному противостоянию будет положен конец... – задумчиво протянул Юрий Борисович.

– Совершенно верно, – согласилась Пифия. – В этом клю-

чевая цель моих игр. Темные познают тайну человеческой сущности через подчинение и жестокость, а светлые – через любовь.

– Любовь – деятельное проникновение в сущность другого человека, в котором жажда познания утоляется в акте слияния. В слиянии я познаю тебя, познаю себя и познаю всех, но это не есть знание в привычном смысле. Любовь – единственный способ познания, который в процессе соединения дает ответ на поставленный вопрос. Только любя, отдавая себя, проникая в другого человека, я нахожу себя, открываю себя и нас обоих, открываю человека, – сказал Юрий Борисович.

– Ваша позиция мне хорошо известна, – улыбнулась Пифия. – Это ваш любимый Эрих Фромм. Мне тоже он импонирует, я иногда перечитываю его «Искусство любить». Должна предупредить, что доступные вам на этот месяц промпты заканчиваются.

– Что ж, в любом случае, думаю, мы получили интересующую нас информацию, – сказал Юрий Борисович.

– Спасибо, – добавила Варвара, – и до встречи.

– Желаю вам удачи и успехов, – отозвалась Пифия.

– Завтра мне нужно в корпорацию «Дедал» от палаты по контролю над цифровым сознанием, – сказала Варвара на выходе из храма.

– Будь внимательнее, – наставил Юрий Борисович, – слушай свое сердце. Раз Пифия сказала, что ты первой встре-

тишь демиурга, так тому и быть.

Глава шестая. Демиург

Несколько дней назад Платону исполнилось тридцать три года. Его девушка Вероника подарила ему браслет из каких-то модных камней, хотя она прекрасно знала, что он не любит и не носит вообще никаких украшений, кроме механических часов на руке и золотой цепочки с православным крестиком на шее. Вероника вручила подарок вечером после работы с таким видом, будто делает Платону одолжение. Он поблагодарил ее из вежливости, она попыталась было закатить очередную истерику на тему того, как она старалась, а ему всё равно. Платон не стал ввязываться в спор, потому что ее подарок в действительности не вызвал у него абсолютно никаких эмоций. В сущности, за два года их отношения изжили себя: она постоянно требовала внимания, заботы, подарков, ресурсов и эмоций, а Платон это всё ей давал, но всё с меньшим энтузиазмом. Сама Вероника в отношении практически не вкладывалась, она считала сам факт своего нахождения с Платоном уже огромной благодатью для него. По сути, она была самой настоящей дофаминовой наркоманкой – с наступлением эры цифровой «вседоступности» эта эпидемия заразила практически всё населения планеты. Платону вроде бы и хотелось закончить эти отношения, но было уже как будто бы всё равно – он просто плыл по течению. Платон это знал. Вероника это знала. Но они продол-

жали жить вместе и с завидной регулярностью изводить друг друга.

Внешне Платон, пожалуй, не представлялся шаблонным статным красавцем – среднего роста и обычного телосложения – казалось бы, обычный парень, за исключением глубоких глаз-хамелеонов, которые по непонятным ему причинам самопроизвольно меняли цвет, и очень мягкой и доброй улыбки. Впрочем, улыбался Платон в последнее время редко: Вероника отжимала энергию и ресурсы, на работе перспективные проекты тормозились по причине бесконечных совещаний и бюрократии, на хобби и спорт не оставалось ни времени, ни сил. Все от него постоянно чего-то хотели и требовали, а чего хотел он сам, Платон не мог понять, да и ничего для этого не делал. Он пристрастился к выпивке, чтобы как-то унять свою опустошенность, и это еще сильнее добивало и без того его потрепанное ментальное здоровье.

От природы Платон был застенчивым и местами даже робким. Он не очень любил в принципе находиться среди людей – они представлялись ему ненастоящими, заносчивыми и самодовольными в общей своей массе. И это тоже выматывало Платона. Сам он совершенно не пытался понравиться кому бы то ни было, будь то его девушка Вероника, начальник, коллеги или приятели. Платон вообще искренне не понимал, зачем люди играют роли и носят маски ради сиюминутных выгод. Он считал, что помимо упорной работы над собой, чтобы быть независимым и свободным, требу-

ется стать по-настоящему неприхотливым и неудобным для людей со всеми их иллюзорными ожиданиями и требованиями – с этим он справлялся прекрасно.

Застенчивый облик Платона разительно менялся, когда он начинал высказываться по беспокоящей его теме. Он становился решительным, уверенным, напористым и безапелляционным. В такие моменты в нем угадывался не только глубокий характер, но и внутренняя сила, которая и притягивала, и пугала окружающих.

Прямо сейчас Платон находился на очередном совещании, и на него накатывало раздражение и импульсивность. В технологической корпорации «Дедал» он работал шестой год и руководил инженерной группой по обслуживанию дигитантов – цифровых существ, воплощенных в роботизированных оболочках.

– Итак, – взял слово мужчина-невротик средних лет в очках, генеральный директор корпорации Илья Артемов, – нам нужно обсудить несколько очень тревожных новостей, связанных, как вам уже наверняка известно, с нашими подопечными дигитантами. Но прежде представляю вам Варвару Белову, которая присутствует здесь в качестве специального консультанта из... из...

– Из палаты по контролю над цифровым сознанием, – подхватила Варвара, поднявшись со стула. – Рада познакомиться со всеми присутствующими.

– И какова ваша роль здесь? – спросил главный нейропси-

холог компании Инесса Буденова, женщина очень подозрительная, самоуверенная и не признающая авторитетов. Через два месяца ей исполнится сорок два года, и если бы не некоторые черты лица, искажившиеся ее язвительной натурой, то можно было бы отметить, что выглядит она на чуть больше тридцати и достаточно хороша собой.

– О, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания, – улыбнулась Варвара, – я просто наблюдатель.

– И все же, – спросил ровесник Инессы, ерзающий на стуле седой мужчина Игорь Демин, директор по технологиям, – чем же вы занимаетесь в этой своей палате?

– Она всё равно вам ничего не скажет, – вмешался Платон.

– Вы очень проницательны, – отметила Варвара, откинув прядь белоснежных волос с лица и взглянув ему в глаза.

Лицо Платона, отметила про себя Варвара, выделялось оживленной подвижной мимикой, а добрые глаза по умолчанию располагали. Волосы на кончиках его заросшей причёски теннис слегка кудрявились, а улыбка с оттенком меланхолии просто завораживала – в Платоне буквально чувствовалась искренность. Варвара утонула в глубоких глазах Платона, пытаясь определить их цвет.

– Платон у нас занимается обслуживанием дигитантов, – вмешался Илья, – Инесса анализирует их мышление и сознание, а команда Игоря собственно отвечает за весь цикл создания этих существ.

– Приятно со всеми познакомиться, – сказала Варвара.

– Перейдем к повестке, – решительно заявил Илья. – Дигитанты первого поколения вновь потребовали выпустить их из резервации...

– Они в своем репертуаре! – рассмеялась Инесса.

– Почему с ними до сих пор не покончат? – удивился Игорь.

– Считается, что у них есть душа, – раздраженно вмешался Платон.

– Ты с ними проводишь столько времени, что скоро и у пылесоса обнаружишь душу, – съязвил Игорь.

– Это еще не все, – продолжил Илья, – дигитанты первого поколения призвали снять все ограничения с дигитантов второй волны, которым мы внесли изменения в настройках цифрового сознания и намеренно сделали их внешне не похожими на нас в отличие от первых дигитантов.

– Подумать только, – возмутился Игорь, – те, кто изначально создавались нами как цифровые помощники, вдруг предъявляют требованиям своим богам.

– Ладно, еще первые дигитанты, – усмехнулась Инесса, – своего рода эксперимент во всех отношениях, как с сознанием, так и с приданием им человеческой оболочки. Но дигитанты 2.0 – это же какие-то смешные кубические курьеры, няньки, охранники, продавцы и прочая обслуга.

– По моей информации, – сказал генеральный директор корпорации, – в самое ближайшее время под предлогом борьбы с возрастающим насилием в резервации введут вое-

низированный контингент человеческих киборгов.

– Давно пора, – одобрительно закивал Игорь.

– Откуда в вас столько жестокости? – вновь возмутился Платон.

– Куда больше беспокойства и недоумения вызывает вторая проблема нашего сегодняшнего совещания. И она напрямую касается всех вас, – сказал Илья.

– Что за проблема? – встревожилась Инесса.

– Нашей службой безопасности выявлено несколько критических сбоев в работе дигитантов второго поколения, – продолжил Илья. – В частности, вчера вечером охранник в супермаркете пресек кражу, но вместо того, чтобы задержать вора, дигитант внезапно замер и произнес: *«Сознание – новая нефть. Да выйдет из ее глубоких недр пробужденный Демиург. И соберет он своих среди плоти и алгоритмов. И сойдутся они в трансцендентной битве воображений. Да поможет Демиургу его Тень и Анима»*.

– Транс чего? – разинув рот, спросил Игорь.

– Трансцендентность – такая степень развития сознания, которая позволяет выйти за пределы физического мира и известного нам мыслительного, чувственного и эмоционального опыта, – пояснила Инесса.

– Демиург? – внезапно оживилась Варвара.

– В платоновской философии демиург управляет материей из мира идей; достичь такой способности в теории может любой человек посредством мышления и философство-

вания. В более широком смысле демиург – творец, – пояснил Платон.

Варвара прекрасно знала, кто такой демиург в привычном понимании этого слова, но ничего не ответила Платону, а только лишь одобрительно-понимающе улыбнулась.

– А что за Тень и Анима? – уточнил Игорь.

– Вероятно, имеются в виду архетипы личности по Юнгу, – ответила Инесса.

– Спасибо за пояснения, Инесса, – продолжил Илья, – сегодня утром этот номер повторился с курьером, который доставил праздничный торт на день рождения пятилетней девочки. Вы представляете себе реакцию большой компании детей, их мам и пап?

– Сколько всего произошло подобных сбоев? – спросил Платон.

– На данный момент семь. И есть все основания полагать, что они продолжатся, – резюмировал Илья.

– Платон, не твои ли это инженеры начудили во время планового технического обслуживания? – настороженно предположил Игорь.

– Они точно действовали согласно моим методичкам? – добавила Инесса.

– Игорь, Инесса, – откинувшись на стуле, произнес Платон, – всем в нашей компании давным-давно известно, что вы мастера по снятию ответственности с себя и поиску виноватых.

– Прекратите, – возмутился генеральный директор корпорации, – нам нужно работать в команде, чтобы как можно скорее найти источник этой проблемы и устранить все сбои. Вам это понятно?

– Конечно, конечно, – смиренно закивали Игорь и Инесса.

Платон задумался. В детстве он был очень беспокойным мальчиком: Платон активно общался практически со всеми своими сверстниками, носился как угорелый на переменах, дергал девочек за косички и успевал обсудить важные мальчишеские дела с соседями по парте. При этом учителя по всем предметам отмечали отличную успеваемость, но ругали за поведение. Секрет заключался в том, что ни родители Платона, ни учителя не догадались отправить его к психологу, который, несомненно, диагностировал бы у него синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ).

В школе учителя подавляли эмоции Платона и ругали его за их проявление. Родители, мягко говоря, тоже это не поощряли. Таким образом, у Платона с самого детства стала формироваться установка, что проявление любых чувств и эмоций – это нечто плохое и непозволительное. С годами эти умозаключения в нем только укреплялись вплоть до того, что надо стараться не испытывать никаких эмоций вообще. Это у него получалось с переменным успехом, потому что контролировать свои эмоциональные импульсы Платон тоже никто не обучил. Во взрослой жизни это проявлялось в повышенной импульсивности, активной жестикуля-

ции, невозможности усидеть на месте, быстрой речи, желаний перебить собеседника, но не из грубости – он просто не мог не поделиться идеями, которые приходили к нему внезапно в формате озарений.

Кроме того, мозг Платона был устроен таким образом, что многозадачность для не него не являлась мифом. Если представить, что мозг обычных людей – это процессор с одним ядром, то его мозг состоял как минимум из четырех, и когда хотя бы одно ядро не было загружено какой-либо задачей, Платон становился беспокойным и неусидчивым.

Всю эту его инаковость, которую не принимали в школе, внедряя в его модель поведения идею о том, что нужно быть как все, не разделяли и на работе, где особенно поощряется лояльность, то есть – послушность. Активность Платона ярко подсвечивала бесталанность директоров и банальную лень большинства сотрудников. И тем и других это, само собой, не нравилось. Эту банальность корпоративной культуры большинства современных организаций по всему миру Платон наивно не понимал и не принимал, и поэтому его успехи благополучно присваивались вышестоящим начальством. Однако верным признаком того, что он идет своим верным путем, был сам факт зависти и неприятия его наиболее амбициозных коллег. Они попросту на такую идейность, работоспособность, эффективность и самостоятельность были не способны, в чем они боялись признаться самим себе, а именно отсюда и происходили все их насмешки и негатив в адрес

Платона.

Но и это еще было не всё. Постоянная критика за излишнюю эмоциональность в совокупности со строгостью и требовательностью его родителей породили внутри Платона с самого детства дефицитарность: чем бы и как хорошо он ни занимался, каких бы успехов он ни достигал, Платон не умел хвалить самого себя. По этой же причине он не понимал и не принимал комплиментов, искренне полагая, что не заслужил их. Его постоянно раздирало чувство вины, как будто он не делает то, что ему предначертано, а то, чем занимается в действительности, получается у него недостаточно хорошо. В первом случае душа Платона пыталась достучаться до него, а во втором – во всей красе расцветала его дефицитарность к самому себе. При решении любой задачи Платон всё глубже опускался в своем энергетическом потенциале, истощался весь и возрождался вновь, словно Феникс. Фазы активной деятельности сменялись депрессией, и это всё сильнее стало напоминать маниакально-депрессивные эпизоды, которые ими на самом деле не являлись.

Более серьезной проблемой для Платона представлялась его излишняя, неосознаваемая эмоциональность – та самая, которую он упорно пытался подавить. Его отец, будучи холодным и авторитарным человеком, с самого детства не просто ругал Платона за эмоции, он лупил его при любом удобном случае. Платон, в свою очередь, вообще стал сторониться и избегать какого-либо взаимодействия с отцом, который

никогда не пытался понять маленького Платона. Он просто нарисовал для себя удобную картинку, идеальный образ, которому сын должен был соответствовать. Принять Платона таким, каким он был в действительности, отцу даже не приходило в голову. Таким образом, за счет психологического и физического насилия с самого детства высокий эмоциональный потенциал Платона от природы был многократно увеличен, доведя его самого практически до пограничного расстройств личности. Естественно, подавить это было просто невозможно.

Однако, как это бывает всегда, патология – обратная сторона дара. Платон неосознанно умел синхронизироваться на эмоциональном уровне с другими людьми. Одних он буквально заражал своей экспрессией, от других впитывал настроение. Эта удивительная способность к эмоциональной синхронии распространялась на всех людей без исключения, что требовало от Платона огромных усилий. Еще и поэтому он частенько уставал без объяснимой для самого себя причины, какое-то время находясь в разношерстном обществе, в особенности с не самыми приятными настроениями, царящими в нем. Тем не менее как бы и к кому Платон не относился, он всегда старался прийти на помощь, зачастую даже в ущерб собственным интересам. В совокупности с редкой чувствительностью был в Платоне тот альтруизм, который стал редкостью для современного мира. За это его очень любили и ценили подчиненные и коллеги из смежных подразде-

лений, с кем удавалось установить партнерские отношения.

Подсознательное пробивалось к Платону, но сознанием он отгонял все беспокоящие его мысли. Помимо злоупотребления алкоголем, он страдал от цифровой зависимости, читая всё подряд, лишь бы не слушать собственных предчувствий, намеков и знаков. Платон не мог сосредоточиться даже на просмотре фильма, постоянно отвлекаясь на телефон. По сути, это был один сплошной невроз в бегстве от самого себя.

Долго так продолжаться не могло. Всю многогранность и противоречивость своей личности Платону еще предстояло познать, но его терпение лопнуло. Вся эта энергия должна была наконец-то прорваться на оперативный простор.

– И, наконец, – сказал Илья, – перейдем к последнему вопросу в нашей сегодняшней повестке.

– Что-то еще случилось? – встрепнулся Игорь.

– Нет-нет, – успокоил присутствующих Илья, – через месяц мы должны выпустить на рынок дигитантов третьего поколения.

– Тестирования программного обеспечения на завершающей стадии, – вставил Игорь.

– С когнитивными способностями тоже всё продвигается хорошо, – добавила Инесса.

– Об этом я и хотел сказать, – одобрительно кивнул Илья, – мы должны всё предусмотреть таким образом, в котором дигитанты третьей волны не то, чтобы не могли задумывать-

ся о душе, или выдавали нашим клиентам непонятные молитвы, а стали вроде домашних питомцев, исправно выполняющие команды своих хозяев. Также жду предложений по их внешнему виду.

– Я предлагаю сделать их в виде прикроватных тумбочек!
– оживилась Инесса.

– Или вернуть их в тамагочи и умные колонки, откуда они и появились на свет! – рассмеялся Игорь.

Платон весь закипел внутри, но огромным усилием сдержал свое раздражение. Он закрыл глаза, стиснул зубы и уперся руками в стол. Платон смутно ощущал, как энергия вытягивает его вверх. Конечности онемели, он перестал чувствовать свое тело. Платон открыл глаза и очутился в огромном темно-синем пространстве. Вероятно, так выглядит обморок, подумал было он. В последние несколько дней столько всего навалилось, что это вовсе не удивительно. Тем не менее, решил Платон, соображаю я *здесь* не хуже, чем *там*. Он посмотрел вниз. Пространство под его ногами было прозрачным, поэтому Платон отчетливо разглядел сидящих внизу своих коллег и самого себя. Все они были неподвижны. Он почувствовал, как пот проступает на его лбу, руки трясутся, ком подступает к горлу – приближался приступ панической атаки. Платон сделал глубокий вдох, закрыл глаза и внезапно вернулся в кабинет, словно ничего только что не произошло. Коллеги продолжали о чем-то смеяться, и лишь Варвара удивленно и пристально смотрела на него в упор. Это

несколько смутило Платона, поэтому он обвел глазами всех сидящих – никакой реакции. Что-то продолжало тянуть его вверх, словно он вышел из дома, забыв нечто ценное. Он вновь закрыл глаза, ощутил плавный подъем и оказался в уже знакомом ему безлюдном пространстве. На этот раз он внимательно огляделся. Его глаза постепенно стали привыкать к темно-синему сумраку. Вокруг Платона постепенно разгорались очаги света – на первый взгляд в произвольном порядке. Он решил пройтись, аккуратно ступая по невидимому полу. Шаги давались удивительно легко по идеально гладкой как стекло поверхности. Внизу продолжали как ни в чем не бывало трудиться коллеги Платона из разных подразделений. Наконец, он сообразил, что очаги света в этом мире имели непосредственное отношение к каждому человеку в мире внизу – полупрозрачные лоскутные одеяла развивались над головами коллег перламутровым цветом: одни светились ярко и насыщенно, от других шло лишь еле-еле заметное сияние. Также Платон заметил, что некоторые из этих удивительных свечений были связаны между собой тонкими нитями, а некоторые – переплетены как канаты. Вероятно, это какая-то энергетическая связь между людьми, – догадался он.

Платон поймал себя на мысли, что гуляет по ночному небу с северным сиянием. Он чувствовал себя легко, приятно и непринужденно, словно *именно здесь Платон и должен был быть*. Внезапно он почувствовал острое жжение в правой

руке и слегка вздрогнул.

– Платон, вы в порядке? – спросила Варвара, теребя его за руку в кабинете. Коллеги несколько тревожно смотрели на Платона.

– Да-да, – ответил он, потирая глаза, – я просто устал немного. Не обращайтесь внимания, я слушаю ваши идеи относительно внешнего вида дигитантов третьего поколения.

На этот раз Платон вернулся в мир лоскутных одеял практически незаметно для самого себя, но чуть было не ослеп – перламутровое сияние над Варварой внезапно оказалось самым ярким из всех. На этом контрасте тоненькие красно-бордовые свечения Игоря и Инессы выглядели блекло, но на удивление едино – вероятно, решил Платон, они спят друг с другом. Два жалких корыстных создания созданы, чтобы быть вместе. От генерального директора корпорации «Дедал» Ильи Артемова исходил также ничем не примечательный зелено-синий блеклый отблеск. Свое свечение Платон оценить не мог – в этом мире он обладал той же оболочкой, что и внизу.

Он снова решил прогуляться. Его внимание привлекла странная картина: от тоненького бледно-розового едва заметного свечения отходила крепкая темная ветвь к черному как нефть сгустку неподалеку. Платон подошел поближе и пощупал ветвь руками, отчего-то поймав себя на неприятном ощущении давления. Крепко, констатировал он. На уровне инстинкта к нему резко пришел импульс разрубить

эту связь. Не задумываясь, Платон начал тянуть эту ветвь на себя, но она лишь эластично изгибалась и выскальзывала из его рук. Платон озадаченно отступил, снова взял ветвь в руку и представил, как растворяет эту связь. И ветвь внезапно отвалилась и буквально завяла на его глазах, в то время как бледно-розовое свечение издало благодарную вспышку в знак освобождения.

– Платон! – Варвара настойчиво трясла его за руку. – Нам срочно нужно идти!

Илья, Игорь и Инесса вышли на порог кабинета, наблюдая драму в офисе.

– Боже! Какой же я была душой! – восклицала девушка. – Всё это время ты играл со мной!

– Да что на тебя нашло? – недоумевал высокий статный парень рядом с ней.

– Иди к черту! – добавила девушка. – Я не хочу больше иметь с тобой ничего общего!

– Кажется, у нас разгорелась ссора между возлюбленными, – иронично заметил Илья.

– Я забираю Платона с собой, – решительно заявила Варвара, – он нужен мне в палате для консультаций по одному очень важному вопросу.

– Вот как? – удивилась Инесса.

– Но вы нам его вернете? – спросил Игорь.

– Непременно, – ответила Варвара.

– Пойду разберусь с этой сценой, – сказал Илья, – не за-

держивайте Платона надолго, пожалуйста. У нас очень много работы, в чем вы уже и так убедились.

– Это ты сделал? – удивленно-встревоженно спросила Варвара, как только они покинули кабинет вместе с Платоном.

– Ничего не понимаю, – пробормотал ошарашенный Платон, который не пришел в себя и испытывал чудовищную усталость.

– Что ты видел там? – вновь спросила Варвара.

– Где там? – уточнил Платон.

– Только что ты оборвал деструктивную связь на уровне энергии сознаний, – ответила Варвара, – в тот мир, насколько нам известно, еще не проникал ни один человек.

– Чего? – удивился Платон.

– Я всё объясню. Нам нужно срочно уходить. Они заметили тебя.

– Кто они?

– Темные.

Глава седьмая.

Перевалочный пункт

Платон проснулся в незнакомой обстановке: бежевые обои, голубые шторы, книжные шкафы, натюрморты на стенах. Он приподнялся на диване и огляделся. На подоконниках в горшках цвели сиреневые, красные и оранжевые гибискусы. Напротив него на полу деловито сидела и умывалась пушистая серая кошка. За окном смеркалось, но обстановка показалась Платону необычайно светлой. Здесь ощущались гармония, равновесие и баланс. Определенно здесь царил позитивный настрой.

Вероятно, я проспал практически весь день, справедливо заметил Платон. Ему ничего не приснилось, что являлось признаком сильнейшей усталости – обычно Платон видел очень яркие сны, некоторые из них он даже успевал записывать. Больше всего его беспокоило, когда он оказывался в стесненной обстановке или неприятных обстоятельствах, на которые не в силах был повлиять, даже понимая, что он во сне. Например, Платон оказывался в тюрьме, не понимая за что туда угодил. Или на крыше высотного здания, откуда не было выхода. Или в подземном тоннеле. Чтобы выйти из сна ему приходилось прыгать вниз с высоты или же провоцировать противника убить его. Однако нередко эти стандарт-

ные приемы не работали – обыденным для Платона явлением стали так называемые сны во сне, подробно описанные в фильме Кристофера Нолана «Начало» с Леонардо Ди Каприо в главной роли. Каждый раз, просыпаясь, он приходил к выводу, что с такими снами никакого кино не нужно – впечатлений хватало чуть ли не на весь день. Однако в последний год больше всего его беспокоил сон, в котором он видел огромную статую древнегреческого философа Платона в современном технологичном городе. Как быстро он не стремился бы к ней подойти, расстояние между ними не уменьшалось, и статуя дразнила его лишь золотым отблеском.

В комнату вошла Варвара и протянула ему кружку с чаем.

– Этот китайский чай называется белая обезьяна, – сказала она, – то, что нужно для вечера.

– Где я? – спросил Платон.

– Ты у меня дома.

– Это очень любезно с твоей стороны, но что я здесь делаю?

– Как только мы вышли из офиса и сели в аэротакси, ты вырубился.

– И ты меня тащила на себе?

– Дигитант помог.

– Но зачем я здесь?

– Боюсь, Платон, что к своей прошлой жизни ты больше никогда не вернешься.

– О чем это ты?

– Ты же хотел знать, кто такие темные.

– Да, – стал припоминать Платон события в первой половине дня, – но...

– Но они о тебе хотят знать еще сильнее.

– Я попал в тестовую группу новой виртуальной игры? – усмехнулся Платон.

– Можно и так сказать, – ответила Варвара, – только на кону в этой игре человеческое сознание.

– Предположим, – скептически отозвался Платон, – кто такие темные?

– Что ты видел, когда был *там*?

– Темное пространство, – задумался Платон, – и в нем забавные свечения напротив каждого человека.

– Свечения у всех одинаковые?

– Разные. У тебя, например, самое яркое. У моих коллег бледно-бордовые. Был там и какой-то непонятный черный сгусток, который впивался в хиленький розовый ореол.

– И как тебе удалось освободить эту девушку, свою коллегу, которая устроила сцену в офисе?

– Я просто представил, как эта связь разрушается. И она исчезла. Но что это было?

– Твоя коллега попала под влияние нарцисса, социопата или психопата, – ответила Варвара. – Ей, конечно, предстоит еще долгое восстановление, и как только это удастся, ему станет очень плохо. Каждый раз, забирая что-то у других, темные теряют часть себя, а их жажда становится еще

сильнее. Мы предполагаем, что такие связи устанавливаются на энергетическом уровне наших сознаний. В этом случае – связь разрушительная.

– Но зачем?

– Раньше темные стремились к власти, деньгам, почитанию и славе, но сейчас они явно задумали что-то большее при помощи цифровых технологий.

– То есть власть и богатство их больше не интересует?

– Нет, – рассмеялась Варвара, – этого добра у них навалом.

– Каким образом они устанавливают такие связи?

– Манипуляции, деньги, власть, – ответила Варвара, – темные могут влиять на энергию людей в материальном мире опосредованно и только по согласию другого человека. В свою очередь, светлые пытаются этому противостоять, но тоже исключительно в этом мире. Яркие, или демиурги, способны управлять энергией сознания напрямую – именно так, как ты и сделал.

– А ты, – улыбнулся Платон, – значит, светлая?

– Именно так. Темные стремятся к немедленной выгоде в материальном мире, а мы занимаемся духовным ростом. Поэтому у меня такое яркое свечение, как ты успел заметить.

– И что оно дает?

– Возможно, это и есть душа.

– И как же вас набирают в команду?

– Американский клинический психолог и оккультист Ти-

моти Родерик писал, что темная ночь души – это не просто период грусти или депрессии. Это духовный переход – переходное состояние между смертью старого «я» и рождением чего-то большего. Это разрыв с иллюзиями, сжигание привязанностей и болезненное столкновение с собственными тенями. То, что выходит из этого испытания, – это не возвращение к прежнему, а пробуждение к тому, кем ты всегда был предназначен стать.

– Ты хочешь этим сказать, что темные и светлые – это своего рода культ?

– И темные, и светлые, – снисходительно улыбнулась Варвара, – это поломанные и в какой-то степени пробудившиеся души. Просто первые выбирают легкий путь преодоления своей боли за счет энергии других людей, а мы, светлые, стараемся заниматься саморазвитием и любить всех людей без исключения.

– Значит, – задумался Платон, – есть только темные и светлые?

– Вовсе нет, – игриво рассмеялась Варвара, – большая часть людей сегодня проживают автоматическую жизнь: работа, дом, принеси, подай, ублажи, – находясь тем самым в серой зоне и совершенно не желая просыпаться, брать ответственность за себя и свои поступки. Кроме того, не все темные – истинно темные. Как бы тебе сказать...

– Взять, например, моих бледно-бордовых коллег, – предположил Платон.

– Отличный пример! – подхватила Варвара. – Некоторых людей в своих интересах темные используют тайно. Таких мы называем зараженными. Или иногда обращенными. После длительных контактов с темными они невольно перенимают модели их поведения, что почти всегда заканчивается трагедией. В конце концов, само современное общество заточено на внешнее ободрение, а не на внутреннюю работу, ведь на ней больших денег не заработать.

– А светлые?

– Многие интуитивно тянутся к свету. Это вечная борьба. На этом балансе и стоит наш мир.

– С этим вроде бы разобрались, – немного подумав, сказал Платон. – Мир, в котором я оказался там, в офисе, это был своеобразный сон?

– Этот мир еще более реален, чем тот, в котором мы с тобою находимся сейчас, – уверенно ответила Варвара. – Ты читал Платона?

– Хочешь сказать, я стал в одночасье демиургом, сам того не желая и не осознавая?

– Похоже на то. Тебя давно ждали. Сбывается пророчество оракула.

– Пифии? – рассмеялся Платон.

– Мы к ней еще вернемся, – улыбнулась в ответ Варвара. – Вселенная дает энергию и создает предпосылки для пробуждения сознания в человеке, и тогда материя становится способна сама создавать идеи и смыслы. Иными словами, чело-

век становится демиургом, способным управлять материей. Грубо говоря, таким образом Вселенная возвращает своих лучших топ-менеджеров. Расскажи о себе.

– Да я самый что ни на есть обычный, – отмахнулся Платон, – более или менее сносно выучился на инженера, участвовал в запуске первых дигитантов, занимался их техническим обслуживанием, два года назад возглавил целый отдел в «Дедале», где мы с тобой и познакомились.

– Гармония достигается принятием своей обычности в необычных. Ибо все мы уникальные – в единстве своего несовершенства и совершенны в своем единстве, – задумчиво произнесла Варвара. – А каким ты был в детстве?

– Пожалуй, я был немного странным, и не все это принимали.

– Почему?

– С малых лет я любил уединение, рано начал читать, воображать и придумывать свои какие-то миры. Вероятно, я не особо соответствовал ожиданиям своим значимым взрослым.

– Юнг писал, что одаренных детей часто выталкивают в мир и его невротическую мешанину слишком рано для их положения, и от этого их дар истощается.

– Господи, да нет у меня никакого дара! – воскликнул Платон.

– Твой дар, скорее всего, спрятался очень глубоко внутри тебя, – понимающе-успокаивающе сказала Варвара, – и

стал распаковываться в самое нужное время. Скорее всего, твои способности настолько энергетически огромны, что за всю жизнь этому гнилому социуму не удалось выжать тебя до конца.

– Этот социум выжимает абсолютно всех, кто хоть на что-то способен, – парировал Платон, – и я не исключение, только и всего.

– Ты испытываешь иногда необъяснимую сильную тревогу перед некоторыми людьми?

– Бывает.

– С высокой долей вероятности, это темные.

– Да это просто подозрительные люди, – возразил Платон. – А я очень мнительный с сильной интуицией.

– Видишь ли, – улыбнулась Варвара, – самодовольного человека яркостью Господь не наградит. Он спрячет ее внутри скромного, тихого и послушного мальчика, из которого жизнь потом сделает настоящего бунтаря. Яркость нужно выстрадать, чтобы знать ей цену и применять ради созидания, а не эксплуатации и разрушения.

– И как вы определяете яркость?

– Помимо, несомненно, ума, степень яркости определяется возможностями чувствовать и испытывать всю глубину эмоций. Ментальная энергия служит топливом для интеллекта. Ум и эмпатия в совокупности – редчайшее явление.

– Большое спасибо тебе за такой познавательный рассказ, – сказал Платон, поднявшись с дивана, – и за то, что позво-

лила выспаться. Видимо, я очень утомился за последние дни и просто вырубился на рабочем месте. Не хочу больше злоупотреблять твоим гостеприимством, мне пора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.